

На Туманном Альбионе

Автор:

Геннадий Марченко

На Туманном Альбионе

Геннадий Борисович Марченко

Музыкант #2 Наши там (Центрполиграф)

Приключения Егора Мальцева продолжаются... на Туманном Альбионе. Теперь он – игрок лондонского «Челси», с которым выигрывает новые трофеи. Ну а в плане музыки для нашего героя наступает настоящее раздолье! Своя рок-группа, знакомство с Джоном Ленноном, Миком Джаггером и прочими исполнителями, вписавшими своё имя в славную историю мировой рок-музыки... И не только знакомство, но и плотное сотрудничество, о чём Алексей Лозовой в своё время мог только мечтать.

Геннадий Марченко

На Туманном Альбионе

Глава 1

На родине нас встречали как героев. В аэропорту – толпа с цветами, а после прохождения таможенного досмотра я моментально оказался в объятиях мамы и сестры. Тут же поджидал Ильич, в чьи крепкие объятия я попал чуть позже, и чуть в сторонке стояла Ленка, скромно чмокнувшая меня в щёку. Но по её глазам было видно, что, ни крутись вокруг куча постороннего народу и родственники, она с удовольствием изобразила бы французский поцелуй.

– Ну, показывай медаль, дай хоть в руках подержать, – попросил Ильич.

Пришлось доставать из сумки награду. Вокруг тут же собралась толпа любопытных, впрочем, такие же группки поклонников окружали и других футболистов, но моя выглядела самой внушительной. Как-никак сам Егор Мальцев, мало того что футболист, ещё и песенник!

На следующий день последовал приём в Кремле у Первого секретаря ЦК КПСС Александра Николаевича Шелепина с присвоением нам звания Заслуженный мастер спорта СССР. Вручая мне заветную алую коробочку с удостоверением, Шелепин негромко сказал:

– Не первый год слежу за твоей игрой, Егор, такой молодой, а уже столько выиграл... Но ещё поражает, как ты успеваешь при этом сочинять столько песен, да ещё и пластинки записывать.

– Сам порой поражаюсь, Александр Николаевич, – развожу я руками и вдохновенно сочиняю: – Само рождается, буквально на ходу, бывает, даже во сне музыка приснится – и утром сажусь её записывать, пока не забыл.

– У дочерей и сына обе пластинки есть вашего трио, «НасТроение» – оно, кажется, так называется? Точно, именно так, оригинально придумано с названием. Кстати, – посерьёзnel Шелепин, – сейчас начнётся фуршет, и мы с тобой после его начала кое-что обсудим в присутствии ответственных лиц.

Вот тут у меня в горле вмиг пересохло. Сразу в памяти всплыло письмо, благодаря которому этот подтянутый сорокашестилетний мужчина не так уж и давно сменил на посту Первого секретаря весёлого и малость придурковатого Хрущёва. То есть это я был уверен, что письмо стало тому причиной, хотя кто знает, как повернулась история после моего попадания в это время сама по себе. И естественно, я сразу же представил, как Шелепин и Семичастный, который тоже присутствовал в зале, зажав меня в уголке, грозно спрашивают, потрясая злополучным письмом: «Мальцев, это твоя работа? Так это ты из будущего? Давай-ка проедем на Лубянку, поговорим более предметно».

Вот как-то мне не очень хотелось стать подопытным кроликом, а потому даже мелькнула мысль, не срулить ли под шумок с этого самого фуршета. Понятно,

что далеко от наших органов не убежал бы, но мысль была очень соблазнительной.

Тот самый момент настал в присутствии Шелепина, Семичастного, Тикунова и председателя Федерации футбола СССР Николая Ряшенцева. Причём мы не просто отошли в уголок, а заперлись в одной из небольших комнат отдыха.

– Николай Николаевич, – обратился к Ряшенцеву Шелепин, – может, вы начнёте?

– Как скажете, Александр Николаевич, – откликнулся футбольный функционер. – Егор, тут такое дело... Интерес к твоей персоне проявляет английский клуб «Челси». Слышал о таком?

Ха, ещё бы! Кто же не слышал об этой команде?! Особенно после того, как клуб приобрёл миллиардер Роман Абрамович и у «Челси» тут же прибавилось российских болельщиков. Правда, это дело будущего, которое ещё далеко не факт, что наступит в этой реальности, но в любом случае о «Челси» советские люди узнали ещё в 1945 году во время британского турне московского «Динамо». Уж это-то я помнил прекрасно.

– Конечно, слышал, Николай Николаевич, достаточно вспомнить послевоенное турне «Динамо». Фотографии с той поездки на стенде висят в кулуарах динамовского стадиона. И насколько серьёзно они мной заинтересовались?

– Очень серьёзно, Егор. Настолько серьёзно, что предлагают за тебя весьма хорошие деньги, естественно, в том случае, если соглашение будет подписано. Скаут англичан присутствовал на финальном турнире в Токио и впечатлился твоей игрой за олимпийскую сборную. А в «Челси» сейчас работает молодой – в смысле опыта – шотландский тренер Томас Дохерти, который умеет раскрывать таланты, хотя твой уже и так, по-моему, достаточно раскрыт, – довольно улыбнулся Ряшенцев. – Он успел поглядеть киноплёнки игр с твоим участием и с Олимпийских игр, и с чемпионата Советского Союза. А им как раз позарез нужен крайний атакующий полузащитник... В общем, теперь за тебя лондонский клуб предлагает Федерации футбола СССР заманчивый контракт. Пока, правда, на полгода, у них, сам понимаешь, половина сезона уже позади, но с возможностью продления. Тебя тоже не обидят, будешь получать неплохую зарплату, в любом случае больше, чем имел в «Динамо». Правда, деньги станут выдавать в Торговом представительстве СССР, но какая тебе разница, по большому счёту.

Опять же, Лондон, Шерлок Холмс, Букингемский дворец... Многие бы хотели оказаться на твоём месте.

Ну что сказать... Сказать, что я охренел от такого предложения, – это не сказать ничего. Я помнил, что в 1980-е, кажется, один из игроков «Зенита» играл в Австрии, но этим прецеденты и исчерпывались. Это уже после падения железного занавеса наши игроки хлынули за рубеж, как вода сквозь прорванную дамбу, а в это время всё было куда строже. Оттого такое предложение и оказалось для меня словно удар обухом по голове.

Хотя ведь они могли поговорить со мной и без Шелепина, не такой уж государственной важности вопрос, на мой взгляд. Скорее всего, подвернулся случай с награждением в Кремле, вот и решили привлечь Первого секретаря в качестве тяжёлой артиллерии. Уж лидеру партии молодой футболист ни за что не откажет!

– Ты пойми, Егор, – по-своему воспринял мою заминку Шелепин, – нам предлагают неплохие деньги в валюте, а валюта стране очень нужна. Да и ты сам, как подсказал мне товарищ Ряшенцев, играя в английском чемпионате, обретёшь немало нового для себя в профессиональном плане. Тем более клуб нам не чужой в своём роде, твоё «Динамо» играло с «Челси» в 1945-м во время турне, кое-какие связи поддерживаем.

– А я же вроде военнообязанный, – проблеял я, не зная, радоваться или огорчаться такой отмазке.

– Этот вопрос мы уже практически решили, оформим как ведомственную командировку, – усмехнулся Тикунов. – Так что можешь не переживать, настоящим патриотам у нас умеют делать... хм, приятные сюрпризы.

Однако, а ведь с этой стороны всё складывается неплохо. И вообще, по здравому рассуждению, сегодня я схватил за хвост птицу удачи, которая, если честно, сама прилетела ко мне в руки. Только вот нужно бы убрать с лица то и дело пытавшуюся выползти глупую улыбку, желательно вообще изобразить внутреннюю борьбу.

– Ну хорошо, – тяжело вздохнул я, – если партия просит... Дайте хотя бы сезон доиграть за «Динамо», осталось-то всего ничего, три тура.

– Ну, время ещё терпит, они хотели бы заявить тебя на второй круг, – сказал Ряшенцев. – Главным было получить твоё принципиальное согласие. Не можем же мы отправлять в недружественную нам страну человека против его воли.

– Ну так я согласен... Но тогда у меня просьба...

– Слушаю, – откликнулся Шелепин.

– Могу я попросить за Стрельцова?

– А что с ним? Вроде уже условно-досрочно освобождён.

– Это так, только в большой футбол ему не дадут вернуться. По слухам, против этого выступает председатель Спорткомитета СССР Юрий Машин и Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов. Но это по слухам... А ведь такие нападающие – наперечёт. Можно как-то поспособствовать его возвращению в «Торпедо»? Да и не за горами чемпионат мира в Англии, глядишь, и пригодится там нашей сборной.

– Интересы сборной – вещь немаловажная, не поспоришь. Как ни крути, а она представляет советский спорт, это серьёзное идеологическое оружие. Николай Николаевич, вы как на это смотрите? – обернулся Шелепин к Ряшенцеву.

– Я? – несколько растерялся чиновник. – Да на чемпионат ещё отобрать надо... А вообще я нормально смотрю... В смысле, почему бы не дать парню поиграть в футбол, раз он своё уже отсидел. Так сказать, испустил.

– А после нескольких лет в лагерях как его самочувствие? Не курорт всё-таки. Вдруг не потянет?

– Потянет, – уверенно заявил я. – Пусть хотя бы торпедовский тренер его на тренировке посмотрит, а потом уже скажет, в какой форме футболист.

– Хм, что ж... Ни у кого возражений нет? Тогда, товарищи, разберитесь в этой ситуации, поговорите с Машинным и Павловым, почему они настроены против возвращения Стрельцова в большой футбол... А мне, извините, пора.

После ухода Шелепина ещё некоторое время мы поговорили с Тикуновым.

– Егор, понимаю, что ты ещё немного не в себе после такого предложения, – сказал он доверительно, – но, скажу тебе по секрету: новое руководство страны сейчас пытается наладить отношения с Западом, притормозить гонку вооружений и безумные траты на укрепление ядерного щита. Поэтому твой контракт пришёлся как нельзя кстати, это как бы одна из ступенек в грядущей нормализации отношений.

– Ну, тогда всё окончательно становится ясно, – безмятежно улыбнулся я.

– Вот видишь, ты же умный парень! Так что езжай со спокойной душой... Но не забывай, что ты – не только советский гражданин, но и сержант милиции.

Домой я возвращался в тот вечер на такси, весь в думах по поводу столь фантастического предложения. Неужто я, простой советский паренёк, буду играть за знаменитый английский клуб?! Нет, я в душе по-прежнему оставался динамовцем, но считал, что для любимой команды и так сделал немало, так почему бы не попробовать свои силы на следующем уровне, в аристократическом «Челси»? Вернее, пенсионерском. Ведь первой клубной эмблемой стала эмблема с изображением «Пенсионеров Челси», принятая в 1905 году.

Понятно, что именно в эту эпоху советский чемпионат – один из престижных в Европе, и участвовать в нём – почётно. Но тут ведь помимо сильного европейского чемпионата вырисовывается ещё и погружение, так сказать, в атмосферу загнивающего Запада. Недаром Ряшенцев так пространно выразился о мечте советского туриста. Ведь помимо стадиона я получу возможность бывать в любой части Лондона, в других английских городах, куда команда будет выезжать. Не говоря уже о том, что помимо футбола можно и музыкой заняться на совершенно новом уровне. Это ж какая благодатная почва – англоязычная публика! Нет, поймите меня правильно, и своя неплохая, но ведь там у меня столько англоязычного материала может пойти в народ... В общем, перспективы вырисовываются такие, что дух захватывает.

Об этом, опустив кое-какие детали, я и рассказал дома Катьке, потом по телефону маме и бабушке с дедушкой. Старики велели не поддаваться соблазнам капиталистического мира и помнить о высоком звании комсомольца.

Обещал не подвести. Само собой, позвонил и Ленке. Лисёнок помимо радости выразила грусть относительно моего возможного отъезда.

- Это что же, мы с тобой сколько теперь не увидимся?

- Ну, во-первых, уезжаю я не завтра, надо ещё сезон доиграть, а во-вторых, пока контракт заключается всего на полгода, это же не так страшно. Девушки из армии парней по три-четыре года ждут, и ничего... Жаль, конечно, что не разрешат тебя с собой увезти, мы же не муж с женой. Да и вуз у тебя... Как, кстати, учёба?

- Нормально, первый семестр ещё месяц учиться, потом сессия. В учебники зарылась, сам видишь, встречаться из-за этого редко получается.

- Вот и не буду своим присутствием отвлекать тебя от учёбы. А на прощание, - я понизил голос, чтобы не услышала из соседней комнаты Катька, - мы с тобой закажем такую вечеринку, что ты целый год будешь её вспоминать.

Но до вечеринки нужно доиграть чемпионат. Мы сумели обыграть «Крылышки» и «Молдову» - я добавил на свой лицевой счёт два гола и одну передачу, - а вот с кутаисским «Торпедо» сыграли нулевую ничью, добравшись, таким образом, до бронзовых медалей чемпионата. В той истории вроде тоже золото в этом сезоне взяли тбилисские динамовцы, а их одноклубники из Киева финишировали вторыми. Вот такой получился динамовский триумвират. Как бы там ни было, московское «Динамо» отправилось в южноамериканское турне, а я полетел в столицу Англии.

Аэропорт Хитроу встретил пассажиров рейса Москва - Лондон знаменитым лондонским туманом с лёгкой изморосью. В той жизни я бывал в столице Англии несколько раз, и только однажды было пасмурно. Теперь вот опять попал под накрапывающий дождик. А ведь на улице конец декабря, но Новым годом даже и не пахнет. Эти католики и протестанты только своё Рождество отмечают, и насколько же веселее наши новогодние праздники, когда вокруг всё белым-бело от снега!

На выходе из так называемого «Океанского терминала» меня встречала небольшая делегация в составе представителя клуба, нанятого клубом переводчика и работника советского консульства в Лондоне, назвавшегося

Леонидом Ильичом Федуловым. Толп фанатов поблизости не замечено. Ну ничего, мы ещё скажем своё веское слово, узнаете, кто такой Егор Мальцев!

– Егор Дмитриевич, я буду решать вопрос вашего пребывания в Лондоне, – заявил Федулов. – Если возникнут какие-то проблемы, сразу звоните. Вот моя визитная карточка. Сейчас я сопровожу вас на базу «Челси», там пройдёте медосмотр, а завтра, если всё нормально, поставите свою подпись, где попросят, а я буду представлять интересы советской Федерации футбола.

Клубная база «Челси» выглядела не в пример современнее того, чем могли похвастаться советские команды. Впрочем, в моей памяти всплыл эпизод, когда мне довелось побывать году эдак в 1998-м на клубной базе мюнхенской «Баварии». Вот это реально было нечто, нынешнему «Челси» есть к чему стремиться.

Здесь я наконец познакомился с наставником «синих», улыбчивым обладателем мощной нижней челюсти уроженцем Шотландии Томми Дохерти. Рукопожатие у него оказалось крепким, но я сдюжил.

– Надеюсь, сынок, мы не прогадали, когда сделали тебе предложение, – заявил коуч, гоня по зубам жевательную резинку.

– Надеюсь, что и я не прогадал, приняв ваше предложение, – отшутился я под смех собравшихся.

Медосмотр не выявил у меня каких-то отклонений, хотя я и переживал за свои колени, особенно за порою побаливающее левое. Но благоразумно решил промолчать, опасаясь, что ещё, чего доброго, завернут в Москву. А после медосмотра, подслушав разговор консула с президентом клуба, которые решили снова сверить цифры, я узнал, что сумма моего полугодового контракта составляет 250 тысяч фунтов стерлингов с возможностью продления. Если моя игра устроит боссов клуба, то Федерации футбола СССР предложат контракт со мной ещё на один сезон, и советский бюджет разбогатеет на 500 тысяч фунтов. Откуда же им было знать, что Алексей Лозовой более-менее владел английским языком на бытовом уровне. Но я-то думал, что за меня хотя бы пару миллионов дадут... Правда, в это время фунт гораздо больше весил, и вообще, вероятно, контракты были куда скромнее, это с годами они стали заоблачными, особенно в нашем футболе. А вот моя зарплата составляла сто фунтов в неделю, то есть в

месяц четыреста с хвостиком, и получать я их буду в Торговом представительстве СССР 7-го числа каждого месяца.

– Егор, можете при желании оформить перевод большей части суммы своим родным, их там конвертируют в рубли по текущему курсу, – предложил Федулов. – Клуб вам обеспечивает съёмное жильё и оплату коммунальных счетов, бесплатное медицинское обслуживание, спортивную экипировку, так что всё равно особо тратиться не придётся, разве что на питание. Ну и если решите приодеться, это, наверное, само собой разумеется.

Поразмыслив, я принял этот вариант. Почему-то мне казалось, что я ещё смогу здесь заработать не только игрой на футбольных полях. Вспомнилось, как в Союзе команда везде ходила строем, питались исключительно в столовых, редкий раз дома. Здесь же игрокам предоставлялась большая свобода, они сами следили за своим режимом. Разве что была предусмотрена система штрафов, причём могло набежать весьма внушительно, но я надеялся, что обойдусь без косяков.

Я поинтересовался у Федулова насчёт связи с родиной. Оказалось, что письма домой я должен приносить в консульство, там же буду получать депеши от родных и близких. Подозреваю, что каждое письмо будет тщательно перлюстрировано, но от этого никуда не денешься. А также должен отзваниваться тому же Федулову приблизительно раз в неделю, так сказать, отчитываться о проделанной работе.

Затем прошла презентация, на которой мне вручили синюю майку «Челси», пока, правда, без номера. Всё это происходило на глазах журналистов из нескольких газет, здесь же присутствовал BBC One – ведущий телеканал британской телерадиокомпании BBC. Уже вечером, лежа на широкой кровати в снятой для меня двухкомнатной меблированной квартире недалеко от центра Лондона, я смотрел новости в цветном изображении и оценивал свой внешний вид. Вроде и держусь неплохо. Жаль, что сам себе запретил говорить на английском, а то поразил бы местных журналистов сто процентов. Но потом у некоторых ответственных товарищей из СССР могли бы возникнуть лишние вопросы, а оно мне пока ни к чему. Выманят в Союз и запакут, чего доброго. Одно дело – песни сочинять на английском, там уже проверенная отмазка, и совсем другое – бодро лопотать на языке потенциального врага. Так что на фиг, пусть вон переводчик бабло отработывает.

Вопросы местных акул пера, кстати, оригинальностью не отличались.

– Мистер Мэлтсэфф, – вопрошал представляющий Daily Express Энтони Макклودي, – вы первый советский футболист, приехавший играть за английский клуб. Какие эмоции вы испытываете?

– Спасибо за вопрос, мистер Макклودي. Эмоции, что уж скрывать, самые позитивные, о «Челси» в нашей стране наслышаны давно. Пока клуб лишь однажды за свою долгую историю выиграл серьёзный титул, но уверен, что с моим приходом ситуация изменится в лучшую сторону. Во всяком случае, я приложу для этого все усилия.

– Что вы знаете о турне «Динамо» по Англии в 1945 году, когда ваша бывшая команда встречалась с вашим нынешним клубом?

– Тогда советский и английский клубы порадовали болельщиков обилием забитых мячей, а матч завершился вничью, – дружелюбно улыбнулся я, пожав плечами. – Меня тогда ещё не было на свете, я родился годом позже, но кое-что читал в газетах и справочниках.

– Как вы оцениваете уровень английского футбола? – поинтересовалась тощая длинная журналистка из The Observer.

– Англия – родина футбола, и этим всё сказано! – изрёк я банальную вещь под аплодисменты собравшихся. – У меня предчувствие, что не так уж долго осталось ждать, когда ваша сборная сорвёт большой куш.

Наконец последовал вопрос, которого я внутренне ожидал и на который заранее подготовил ответ. Причём от корреспондента телеканала BBC One.

– Мистер Мэлтсэфф, в Советском Союзе вы известны не только как футболист, но и как композитор, автор популярных хитов. Вы планируете в Англии продолжить заниматься творчеством?

– Вполне вероятно, – как ни в чём не бывало ответил я. – Если вы в курсе, я являюсь автором двух англоязычных альбомов группы «Апогей», о которой писала даже ваша пресса...

– Да, я слышала один из этих альбомов, очень симпатичная музыка, – встряла журналистка из The Observer.

– Ну вот видите, и в дальнейшем я не собираюсь останавливаться на достигнутом. Надеюсь, у меня будет оставаться достаточно времени на музыку.

– Кстати, на альбоме песни на хорошем английском, можно сделать вывод, что вы всё же владеете языком?

– О нет, англичанин из меня ещё так себе, – рассмеялся я и выдал рабочую версию: – Просто при написании альбома мне помогал специалист по английскому, который грамотно перевёл мои русскоязычные тексты. По условиям контракта я должен выучить английский на начальном уровне уже через месяц, чтобы понимать команды тренера и подсказки партнёров. Но эта проблема решаема, на языке жителей Туманного Альбиона я более-менее могу общаться уже сейчас, хотя, конечно, до коренного англичанина мне ещё очень далеко. I very bad speak English.

В зале раздались смех и аплодисменты, а я глядел на эти самодовольные физиономии и думал, что противостояние саксонского и русского миров будет вечным. Никогда нам не понять друг друга. Мы-то, в принципе, всегда готовы идти на контакт, ну, может, в советское время как-то ещё ерепенились, вот только наши западные «друзья» настолько привыкли видеть в русских потенциальную угрозу своему мироустройству, что, по большому счёту, шансы на мир, дружбу и жвачку с поцелуями равнялись практически нулю. Разве что в виде показухи и официальных обменов любезностями.

Сюжет закончился, я дотянулся до переключателя телеканалов, пощёлкал им, остановившись на какой-то музыкальной передаче, где неизвестная группа «жарила» рокабилли, а вокруг круглой сценки отплясывали парни в костюмах и девушки в платьях одного фасона. Невольно вспомнился наш поход с Лисёнком в «Коктейль-Холл», затем на память пришла наша последняя вечеринка, когда мы в течение почти двух часов не могли насладиться друг другом. Ну и прощальная сцена в аэропорту, где меня провожала та же компания, что пару месяцев назад встречала из олимпийского Токио. Тогда уже мы с Ленкой не стеснялись, целовались так, что мама с Катькой, кажется, покраснели. Ничего, мальчик вырос, ему можно, да и девочка уже не школьница.

На следующее утро я вышел из дома за час до начала тренировки и отправился на стадион «Стэмфорд Бридж», где мы должны были собраться на запасном поле в 11 часов по Гринвичу. Из всей команды я появился первым, а к назначенному времени вся команда была в сборе, включая переводчика. Похоже, я был единственным легионером в команде. И вообще, насколько я знал, в это время иностранные игроки в той же английской лиге являлись большой редкостью. Как и темнокожие футболисты. Впрочем, так же ситуация складывалась и в других европейских чемпионатах.

– Джентльмены, сегодня у нас в команде новое лицо, – заявил Дохерти, кивая в мою сторону. – Это русский футболист Егор Мальцев. – В устах тренера это прозвучало как Егор Мэлтсэфф, но я решил к таким мелочам не придирааться. Забегая вперёд, отмечу, что практически все англичане именно так мою фамилию и коверкали. – Егор недавно выиграл олимпийское золото, став одним из лучших игроков турнира, в своей команде «Динамо» он тоже, несмотря на юный возраст, являлся лидером. Обещал и в «Челси» показывать высокий уровень. Надеюсь, вы найдёте общий язык. А теперь приступим к тренировке...

Лидером команды, как я понял, считался Терри Венейблс. Причём как неформальным, так и формальным, поскольку носил капитанскую повязку. Задания если и отличались от уже мне привычных, то не намного. Поэтому тренировка прошла без проблем. После занятий мне, как самому молодому, пришлось собирать мячи. Я не возражал, традиции есть традиции, что в советском футболе, что в английском.

А в ходе вечерней двухсторонки я продемонстрировал несколько трюков, включая финт Зидана, что для англичан стало откровением. Понятно, ведь я показывал финт до этого всё больше в играх чемпионата СССР да пару раз на олимпийском турнире, причём однажды он не прокатил, что меня очень расстроило. Но я добавил в свой арсенал ещё и финт Месхи. Это когда ты посылаешь мяч в одну сторону, а оббегаешь защитника с другой. Резкий стартовый рывок позволял мне такое проделывать, но не каждый раз получалось, поэтому я старался этим финтом не злоупотреблять.

К слову, в своём последнем на сегодня матче футбольной лиги Англии 19 декабря «Челси» крупно уступил «Сандерленду» – 0:3. До Нового года предстояло сыграть ещё матч 26-го с «Блэкпулом», а потом 2 января игра с «Лестер Сити». У нас в это время на заснеженных полях не поиграешь, а на Туманном Альбионе благодаря тёплому Гольфстриму температура редкий раз

опускается ниже нуля по Цельсию.

После утренней тренировки я решил не торопясь прогуляться по центру Лондона, благо до вечерней двухсторонки времени ещё навалом. А то накануне домой меня привезли на такси уже вечером, вымотался, и было не до прогулок...

Вот она, мерно несущая свои воды Темза, разводной Тауэрский мост, а вон и сам Тауэр. Взгляд непроизвольно цепляется за Биг-Бен. Пересечение Элеонор-Кросс и Черинг-Кросс с южной стороны Трафальгарской площади, официально считающееся географическим центром Лондона, хотя местные жители считают центром столицы Лондонский камень, который представляет собой кусок известняка, хранящийся за металлической решёткой на Кэннон-стрит, 111. По древней легенде, если камень будет уничтожен, то Лондон погрузится под воду. Это всё я помнил ещё со времён своих первых поездок сюда в той, уже подзабытой жизни.

Уайтхолл, Даунинг-стрит, Скотленд-Ярд... Знаменитые лондонские двухэтажные автобусы, красные телефонные будки, чёрные кэбы марки Austin FX4, бобби в неизменных котелках, стилизованных под шлемы испанских конкистадоров... Вон на том берегу Темзы виднеются две башни Вестминстерского аббатства. Надо будет сходить как-нибудь и туда. А вот до Букингемского дворца прогуляюсь сейчас, тут пешком полчаса от силы.

Вот и они, неподвижно замершие гвардейцы в надвинутых на глаза медвежьих шапках, охраняющие покой королевской семьи. Сплошная декорация, тут пары советских десантников хватило бы, чтобы разметать эту ряженую гвардию. Но красиво, не поспоришь, всё сделано для привлечения туристов. И опять же, традиции, которые в Англии исстари свято чтут. Королевский штандарт над резиденцией не развевался, значит, Елизавета II куда-то отлучилась.

Так, пора зайти куда-нибудь перекусить. Местной валютой я уже обеспечен, заранее позаботился обменять пятьсот рублей на фунты, пока выдадут первую зарплату. На приличный обед по-любому хватит, да и не на один.

Взгляд зацепился за вывеску «Флит-стрит». Та-а-ак, если память Алексея Лозового не изменяет, где-то тут во дворах спрятался замечательный старинный паб Ye Olde Cheshire Cheese, в переводе – «Старый чеширский сыр». Ну да, вот он, стоит себе как ни в чём не бывало. В этом пабе я как-то отметил, в начале

2000-х было вполне приличное заведение. Надеюсь, что и сейчас он не подкачает. Ну точно, выбор сыров впечатляет. Под них можно и пивка кружечку взять, благо никто меня не сдаст руководству команды. Ну и неизменная для этого места картошка с рыбой. Всё-таки вековые традиции – хорошая вещь.

– Эй, а ты не похож на англичанина, – докопался до меня какой-то тип лет пятидесяти, стоящий у стойки с кружкой пива. – Турист небось?

Вот как они нас сразу распознают? По физиономии практически не отличаемся, манеры выдают? Ну так я не руками ел, вилок. Ну если только услышал акцент в моей речи, тогда да...

– Так ты турист или как? – не унимался мужик с ополовиненной кружкой пива.

– Почти... Я новый игрок клуба «Челси», из России... Вернее, из Советского Союза.

– погоди, так ты тот самый Ехор... э-э-э... Мэлтсэфф, которого вчера по BBC One показывали?! То-то я смотрю, лицо мне твоё знакомо... Эй, ребята! Это тот самый русский футболист, который будет играть в «Челси»!

Ну вот тебе и конспирация. Теперь разнесут на весь Лондон, что в первый же день легионер баловался пивком. Ладно, Бог, как говорится, не выдаст, свинья не съест.

Меня тут же обступили, закидав вопросами, причём среди посетителей паба нашлись поклонники моего нового клуба. В том числе и нарисовавшийся хозяин паба, немолодой джентльмен с брюшком.

– Я с малых лет болею за «Челси», и мой отец с дедом всю жизнь за них болели, – заявил красномордый пабмэн, назвавшийся Рупертом Адамсом-младшим. – Парень, заглядывай почаще, будешь приманкой для других, хотя у меня вроде и так завсегдатаев хватает. А выпивка и еда для тебя – за счёт заведения, отныне и навсегда!

Руперт гордо посмотрел по сторонам, а его заявление вызвало целый шквал положительных эмоций у присутствующих, хотя вроде бы халяву пообещали

только мне.

Я-то, понятное дело, тоже воспринял такой поворот с чувством глубокого удовлетворения.

– Парень, а правда, что у вас в России по улицам ходят медведи? – не унимался какой-то толстый лысый тип.

– Джон, не пори чушь, – одернул было его хозяин заведения, но я решил постебаться.

– Да, такое частенько случается, – кивнул с самым серьёзным видом, на какой был способен. – Буквально накануне отлёта в Лондон мне пришлось пристрелить медведя, который пытался вломиться в окно моей квартиры. Я в Союзе всегда держу под рукой охотничье ружьё, мало ли какой зверь забредёт в Москву из тайги, которая начинается сразу за стенами Кремля. А некоторые умудряются объезжать медведей и ездить на них верхом. Ещё у нас одиннадцать месяцев в году зима, все носят шапки-ушанки из волчьего меха и пьют водку, чтобы согреться.

Глядя на выпученные глаза Джона, я не выдержал и рассмеялся. А через несколько секунд от смеха содрогался уже весь бар, хохотали все, включая доверчивого толстяка.

Так что из паба я вышел примерно через час в весьма приподнятом настроении. Теперь нужно снова прогуляться, чтобы всё съеденное и выпитое утряслось до вечерней тренировки. Не хочется ковылять по полю, держась за бок от коллик.

В общем, первый мой полноценный рабочий день принёс только положительные эмоции. Дома перед сном приняв ещё раз душ, я рухнул в кровать и не заметил, как уснул под тихое бормотание включённого телевизора.

Глава 2

30 декабря Дохерти сообщил, что моя заявка принята руководством английской лиги, и отныне как минимум на ближайшие полгода я являюсь полноправным игроком ФК «Челси». На мой вопрос, когда я смогу выйти на поле, Томми ответил, что не в его интересах мариновать меня вне основного состава за рекордный по нынешним временам контракт, и поскольку я на тренировках являюсь одним из лучших, то уже в матче 2 января против «Лестера» он выпустит меня на поле. То есть уже через несколько дней.

Всё-таки чего-чего, а культуры «болеть» у англичан не отнять, думал я на предматчевой разминке. Дохерти своё обещание сдержал, игру мне предстояло начать в основе под номером 9. Взгляд то и дело невольно скользил по заполнявшимся трибунам домашней арены «Челси» – стадиона «Стэмфорд Бридж», а сердце заходило в предвкушении первого официального матча. Впереди были 1980-е с хулиганскими выходками, а сейчас поклонники футбола приходят на матчи почти как на званые приёмы: мужчины в костюмах, а женщины в красивых платьях. Так была одета чуть ли не половина болельщиков.

Играй я в будущем, то, как новичок, появился бы на поле, скорее всего, в качестве игрока замены. Но пока замены в современном футболе запрещены, нельзя было менять даже травмированных игроков, не говоря уже о тактических перестановках по ходу матча.

Свисток судьи, и Венейблс с Бобби Тэмблингом разыгрывают мяч в центре поля. Вскоре я понял, что впечатление от двухсторонок не было обманчивым. В Англии играли жёстко, порой чересчур жёстко, и если бы не щитки, то уже через пять минут я мог бы оставить свою команду в меньшинстве.

Впрочем, партнёры по ходу первого тайма не очень баловали меня пасами. Понятно, новобранец, пусть пока так побеждает, без мяча, приглядится, что к чему. Я в целом относился к такой ситуации с пониманием, но всё же хотелось быть более полезным своей новой команде, нежели пребывать в качестве эдакого отбывающего номер персонажа.

Первый гол случился без моего участия. Отличился Барри Бриджес, оказавшийся на добивании самым шустрейшим в суতোлке у чужих ворот.

Кстати, нашему голкиперу Питеру Бонетти скучать не приходилось. Гости не стеснялись лупить с дальних дистанций, и до поры до времени кипер выручал.

Пока на 36-й минуте не случился досадный рикошет от ноги Рона Харриса – нашего молодого защитника-костолома по прозвищу Чоппер.

На перерыв мы уходили при счёте – 1:1.

– Парни, играем больше на новенького, – давал указания в раздевалке Дохерти. – Думаю, тайма ему хватило, чтобы приглядеться, пришло время отрабатывать вложенные средства.

И после этого все начали снабжать меня мячами, и я почувствовал себя словно рыба в воде. Два моих фланговых прострела на 53-й и 59-й минутах закончились забитыми голами Венейблса и Мюррея. А окончательный счёт я установил сам, прокинув на скорости мяч между двумя защитниками и с угла вратарской отправив его низом точно в дальнюю «шестёрку» ворот.

Приятно, чёрт возьми, слышать, как после финального свистка переполненный «Стэмфорд Бридж» скандирует твою фамилию! Ну что, ребята, дождались появления нового кумира? А я уж постараюсь не обмануть ваших ожиданий.

В раздевалке «синих» царило приподнятое настроение. Меня хлопали по спине, плечам, а Венейблс заявил, что теперь я за свой первый гол должен вести команду в кабак, иначе удача отвернётся от меня.

– Да без вопросов, только у меня зарплата 7 января. 6-го мы играем матч чемпионата с «Арсеналом», а 9-го – на кубок Англии с «Нортгемптон Таун», – перечислял я, загибая пальцы, как герой мультика «Вовка в Тридевятом царстве». – Потом пауза до 16 января, до встречи с «Фулхэмом». Вот во время этой паузы можно и устроить посиделки.

В принципе я сводил бы игроков в уже знакомый паб, хозяин которого являлся болельщиком «Челси». Но если меня он обещал угощать бесплатно, то на всю команду это вряд ли распространялось. Да и мне самому было бы неудобно разорять заведение. А имеющихся у меня наличных могло и не хватить на кормёжку и выпивку двум десяткам игроков. В торгпредстве мне предстояло получить половину месячной зарплаты, а именно 200 фунтов. Остальные пару сотен я решил перечислять матери. Думаю, они и так в деньгах не нуждались, учитывая, что перед отъездом из страны я оформил перевод авторских на её сберкнижку, но двести конвертируемых фунтов в хозяйстве тоже не будут

лишними.

Игроки были не против моего предложения, выразив надежду, что в матчах с «канонирами» и «дачниками» удача меня ещё не покинет.

Не покинула, во всяком случае, единственный мяч в игре с «Арсеналом» Тэмблинг провёл с одиннадцатиметрового, после того, как меня внаглую завалили в штрафной площади «канониров». Ну а что оставалось делать ещё защитнику, когда я на скорости выходил один на один с их вратарём?! А вдобавок судья выгнал деффендера с поля, впрочем, без предъявления красной карточки, поскольку до появления этих жёлтых и красных прямоугольничков ещё оставалось лет пять, если я не ошибаюсь.

- Проклятый русский! - зло крикнул в мою сторону удалённый игрок.

- Иди в жопу, - вполголоса ответил я грубияну. Ответил пока на русском, но если меня и дальше будут оскорблять, то вполне могу перейти на язык Шекспира. За мной точно не заржавеет, хоть я и сержант милиции.

Матч третьего раунда кубка Англии против команды низшего дивизиона «Нортгемптон Таун» и вовсе получился лёгкой прогулкой. Счёт 7:0 говорит сам за себя, а я оформил первый свой хет-трик на английской земле. Дохерти особо мне комплиментов в раздевалке не накидывал, но его счастливая морда и то и дело косящий в мою сторону взгляд говорили сами за себя. Ну а что, оправдываю авансы.

С владельцем паба Рупертом Адамсом-младшим я договорился заранее. Заявил, что сам оплачу командный счёт, а в ответ услышал, что Руперт сделает мне хорошую скидку. Мы договорились на определённое время, на которое владелец заведения зарезервировал для нас несколько столиков в углу зала.

Все явились чётко в назначенный срок согласно знаменитой поговорке короля Людовика XVIII «Точность – вежливость королей». Конечно, я приглашал и наставника команды, но Томми вежливо отказался, мол, не хочу мешать своим авторитетом вашему отдыху. Расслабьтесь как следует, парни, но не забывайте, что 16-го играем с «дачниками».

А посидели мы хорошо, веселье било через край. Всё ж таки команда в чемпионате шла довольно ходко, мы не так уж и много проигрывали лидерам. К тому же ребята в «Челси» подобрались молодые, многие являлись выпускниками молодёжной команды. Чего грустить-то? Правда, как-то некстати я вспомнил Лисёнку, как она там без меня, уж наверняка по кабакам не шляется, корпит над учебниками и хранит мне верность. Я, кстати, тоже, хотя порой под утро такие стояки после ночных сновидений... И, к слову, англичанки что в будущем, что в это время отнюдь не красотки. Недаром говорится, что красивее русских женщин в мире нет.

Короче, из паба расползлись уже за полночь. Причём почти трезвые – я ещё в той жизни заметил, что за границей не принято напиваться до неменяемого состояния. А до дому я решил прогуляться пешком. Моё жилище располагалось на Ньюгейт-стрит, от паба в нескольких кварталах. И решил пройти мимо расположенного на Ладгейт-Хилл собора Святого Павла, а то днём я его видел, ещё будучи Алексеем Лозовым, а после заката – нет.

В ночном сумраке подсвеченный снизу уличными фонарями собор смотрелся впечатляюще. Прикинул, что, наверное, жутко внутри сейчас было бы одному бродить со свечкой. Это же ещё и усыпальница известных англичан, типа адмирала Нельсона и любителя мотоциклов Лоуренса Аравийского. Место хоть и святое, но кто его знает, что за призраки водятся в потаённых уголках этого собора...

– Эй, сэ, не желаете развлечься?

Ну вот, моё романтическое настроение развеялось, как с яблонь белый дым. Глядя на вызывающе одетую бабёнку весьма потасканного вида, я мысленно обложил её трёх-этажно, а вслух произнёс:

– Леди, я ещё слишком молод, чтобы развлекаться со столь опытными особами.

– Вали отсюда, дерьмо собачье! – обиделась жрица любви и демонстративно отвернулась.

А вот я на неё, честно говоря, не обиделся. Скорее, мне её было жалко. Я даже дал бы ей несколько фунтов, просто так, может, у неё дома дитё голодное, а торговля собственным телом – единственный способ хоть что-то заработать. Но

после посиделок в «Старом чеширском сыре» мой кошелёк изрядно похудел, да и вообще нехорошо предлагать интимные услуги в пяти шагах от собора. Ничего святого у людей не осталось.

И в Союзе была проституция, но скрытая, так сказать, элитная. Уж что-что, а идеология работала как следует.

Вот только идеология должна подкрепляться реальными делами. Если вы говорите, что СССР – лучшая страна в мире, то и производиться в ней должны лучшие станки, машины, самолёты... Да, в космосе мы пока на первом месте, правда, с Луной малость облажались, ну так ещё неясно, была высадка на самом деле или это грандиозная мистификация. Да, у нас бесплатная медицина и образование. Пусть уровень той же медицины не айс, но ведь БЕСПЛАТНАЯ! И худо-бедно первую помощь окажут, не дадут помереть от аппендицита или воспаления лёгких. Правда, в Англии вроде бы с 1940-х годов тоже бесплатная, существует на деньги налогоплательщиков... Но всё же бесплатная бесплатной рознь. Вспомнился из той реальности рассказ одной знакомой несостоявшейся певички, которая вышла замуж за английского адвоката. У них был частный врач, но она из принципа как-то решила пойти путём простого народа. Когда её начали мучить постоянные головные боли, она отправилась к терапевту. Через терапевта проходит ваш допуск к любому профильному врачу и назначаются предварительные анализы. Записываться надо непременно заранее, просто так утречком забежать на приём не получится. Секретарша вас записывает, часто ждать приёма надо где-то неделю. Терапевты не работают по выходным. Если принимают три терапевта, то можно попасть быстрее.

Вы приходите в назначенное время и рассказываете терапевту о своих жалобах. А в итоге вас отсылают домой, выписав парацетамол-ибупрофен-сон. Вам дадут совет не нервничать и побольше отдыхать. Вам не сделают никакой диагностики и даже самого простого анализа крови.

Допустим, рассказывала она, случилось что-то посерьёзней, например, тело покрылось непонятной коростой. Терапевт пощупает коросту, при этом он не вымоет руки ни до ни после, выпишет вышеупомянутый ПИС, заверит, что короста через пару дней отвалится, посоветует обезопасить домашних питомцев и младенцев, чтоб случаем их не зашибло обломками, и отправит домой. Предупредит, что если короста сама не отвалится, то следует прийти недели через две и он вам выпишет антибиотики, и тогда уж вы точно превратитесь в бабочку. Если короста вас будет мучить до полугода, тогда вам может повезти, и

терапевт-таки выпишет вам направление на анализы и только после этого направление к специалисту в больницу.

Согласен, в наших поликлиниках и больницах такой геморрой тоже встречается, но то, что подобное происходит в преуспевающей Англии, меня тогда поразило.

А вот в мелочах бытового уровня мы всё же серьёзно отставали. В развитых капиталистических странах всё продумано, всё для удобства человека. Невольно сравниваю Москву и Лондон, и в какой уже раз в своих обеих жизнях убеждаюсь, что дьявол таится в мелочах. Например, в эти годы в Союзе элементарная зубная паста в тюбиках была в диковинку, а здесь такой пастой пользуется практически каждая семья.

А ещё по пятницам в 11 часов ко мне приходила тётка из клининговой компании, прибиралась. Я ей заранее выдал запасной ключ, чтобы она не зависела от того, дома я или нет, и вообще предпочитал где-нибудь шляться в это время, не мешать наводить ей порядок.

Конечно, не каждая британская семья может позволить себе оплачивать услуги клининговой компании, но бизнес-то процветает! Значит, услуги таких вот приходящих домработниц пользуются спросом. А у нас одна фирма «Заря», и её услугами пользуются единицы. Советская домохозяйка лучше сама все отдраит, нежели потратится на тётку со стороны.

Опять же, я был удивлён, обнаружив, что многие лондонские дома до сих пор отапливаются углём. Чёрный дым из труб соседнего дома как-то не напрягал меня до того момента, пока я не увидел на крыше самого настоящего трубочиста, которого поначалу принял за домушника. Спросил на тренировке у ребят, оказалось, что профессия востребована, хотя закон о чистом воздухе принят в Англии в 1956 году, и многие всё ещё пользуются угольным отоплением...

Ого! Погруженный в свои мысли, я и не заметил, как оказался в Сохо. Глянул на циферблат Seiko – второй час ночи. В этом районе ночная жизнь кипела вовсю, я это уже почувствовал, увидев разноцветные огни вывесок и толпы празднующихся. В эти годы в клубах Сохо уже торчали разного рода знаменитости: писатели, музыканты, актёры... В общем, богема.

В самом центре Сохо, насколько я помнил, находился Чайнатаун. Но сейчас я туда не пойду, и вообще я собирался домой двигать, а здесь оказался практически случайно. Но судьба решила подкинуть мне проблем...

Моё внимание привлекла небольшая группка молодых людей возле Wag Club, что-то обсуждавшая на повышенных тонах. Не прошло и нескольких секунд, как двое принялись пинать одного, от первого удара в лицо упавшего на землю. Вот же, всегда найду на свою задницу неприятности. Сделать вид, что меня здесь нет, не позволяло советское воспитание, да и сержант милиции как-никак, а значит, представитель закона, хоть и не местного. Тем паче я и в той, и в этой жизни рос во дворах, где пацаны нередко дрались до кровавых соплей, но при этом всегда знали чувство меры. Здесь же, похоже, эта парочка останавливаться не собиралась. При этом ещё несколько зевак сгрудились неподалеку, громко обсуждая избиение.

Не оставалось ничего другого, как попробовать обуздать парней, один из которых был почти на голову выше меня. А раз так, то тут все способы хороши. Вспомнив, как тростью учил правилам хорошего тона шпану из подворотни, поискал взглядом что-нибудь подходящее. Это только в кино и книгах у главного героя всегда под рукой оказывается обрезок трубы, в крайнем случае, жердь. В радиусе метров пятидесяти вокруг меня ничего подобного не наблюдалось. И что теперь, они же просто убьют парня! Эх, была не была...

– Алё, вы, двое! Да-да, я к вам обращаюсь!

Ага, перестали мутузить бедолагу, который лежал практически без движения, переключились на меня, подошедшего на несколько шагов.

– А тебе чего надо, ублюдок?

Ай-яй-яй, как нехорошо, обзываются ещё. Сейчас бы табельное оружие в ладонь, прострелить наглецу коленную чашечку.

– Ублюдок у тебя в штанах, клоун, и твой любовничек, наверное, с ним близко знаком. Да, думаю, и ты с его дружкой тоже. Кто из вас чаще бывает девочкой?

За те несколько секунд, пока мерзавцы переваривали услышанное, я не прекращал попыток обнаружить что-нибудь подходящее в качестве оружия

самообороны, и наконец Фортуна улыбнулась мне во весь свой щербатый рот. Согласен, пустая поллитровая бутылка из-под пива – далеко не самый идеальный вариант для самозащиты, но если подходить с умом... Когда мои оппоненты наконец решили вбить меня в мостовую, я уже приблизился к ним вплотную, поигрывая «розочкой», отбитые края которой кровожадно поблескивали в свете неоновой вывески бара.

– Ну что, кто первый?

Но как-то я слишком оптимистично отнёсся к своим перспективам. Оппоненты тоже оказались не лыком шиты, достали выкидухи, и мне стало несколько неуютно со своим самодельным колюще-режущим оружием.

– Эй, парни, а ну-ка, заканчивайте, – басовито раздалось от входа в клуб. В дверном проеме, освещаемая сзади разноцветными сполохами прожекторов, виднелась фигура настоящего великана, метров двух в высоту и, что называется, косая сажень в плечах. При его появлении зеваки как-то незаметно расступились, а мои противники разом сникли. – Мне здесь поножовщина не нужна, – между тем продолжал громила. – Одно дело – нос разбить, и совсем другое – порезать человека. Скотт, я бы на твоём месте вообще держался тише воды, ниже травы. У тебя уже была одна отсидка, снова захотел за решётку? Так что прячьте ваши игрушки и идите в клуб, расслабьтесь, выпивка за мой счёт. А вам двоим, – кивок в нашу с лежавшим на земле парнем сторону, – я посоветовал бы валить отсюда, если не хотите нажить неприятностей.

Местные гопники несколько секунд обдумывали сказанное здоровяком, затем, похоже, приняли решение.

– Мы с тобой ещё встретимся, гнида, – пригрозил мне тот, что был поздоровее. – Пойдём, Джеф.

Они скрылись внутри бара, тут же немногочисленная кучка любопытных стала таять на глазах. Я подошёл к лежавшему на земле бедолаге, присел на корточки. Жив, курилка, шевелится, правда, губа разбита и глаз затёк, да и пара рёбер наверняка сломана, но жить будет. Помог ему встать на ноги.

– Fucking bastards! – пробормотал страдалец.

Мама дорогая! Я получил возможность при более удобном освещении разглядеть лицо избитого и едва не присел. Да эту физиономию ни с какой другой не спутаешь! Конечно, в семьдесят с лишним Джаггер выглядел как алкаш с полувековым стажем, но и в двадцать один год его лицо смотрелось весьма оригинально. На всякий случай решил проверить свою догадку:

- Эй, парень, тебя как зовут?

- Майкл... Майкл Филипп, - сплюнув кровью, нехотя ответил он. - Друзья называют просто Мик.

- А фамилия?

- Ты что, бобби? - подозрительно покосился он на меня незатёкшим глазом.

- Нет, я футболист... И немного музыкант.

- Джаггер моя фамилия. А в какой команде играешь?

- В «Челси». Тот самый русский легионер Егор Мальцев. Или Мэлтсэфф, как у вас говорят.

- Слышал что-то краем уха... Для русского ты слишком хорошо разговариваешь по-английски. Хотя и с акцентом.

- На английском говорит полмира, что ж теперь... Ты вообще как себя чувствуешь, Мик? Может, вызвать скорую?

- К чёрту скорую! Мне нужно добраться к моей подруге, Нэнси. Она приведёт меня в порядок.

- И где она живёт?

- На Набережной Виктории возле станции «Черинг-Кросс».

- И как ты туда доберёшься? У тебя есть тачка?

– Вон там стоянка такси, они ночь напролёт ждут клиентов из Сохо.

Действительно, на указанном Джаггером пяточке стояло несколько кэбов, в один из которых мы и загрузились. Что-то мне было страшно отпустить Мика одного, да и денег у него, как оказалось, не было, только несколько пенсов.

Пока ехали, я выяснил, кто были те двое, что пытались сделать из будущей рок-звезды отбивную. Оказалось, братья Мерсеры, Скотт и Джеффри, которые почему-то решили, что Мик положил глаз на подружку младшенького, то бишь Джефа.

– Она страшна, как смерть, эта Дрю, – говорил парень, прижав носовой платок к кровоточащей губе. – Я даже по пьянке на неё не залез бы. А этим уродам только дай повод кулаками помахать. Ничего, я их подкараулю по одному, найду способ, как отомстить.

Громилой, который утихомирил братцев, судя по всему, был охранник клуба Люк. Несмотря на его прохладное ко мне отношение, я был ему благодарен. Если бы не он, Егор Мальцев мог бы корчиться на земле рядом с Джаггером в луже крови. Заодно Джаггер проболтался, что был болельщиком «Арсенала», хотя я-то это помнил из будущего. Рассказал мне, как был на последней игре «канониров», где они проиграли «Челси», но с трибуны не видел лицо футболиста, на котором был заработан решающий пенальти. Узнал уже после, что именно на мне. Но зла на какого-то русского за это не держал, понимал, что это всего лишь игра.

– Так ты, говоришь, ещё и музыкой занимаешься? – спросил он меня по пути к его подружке.

– В Советском Союзе я известный композитор, автор многих популярных песен. – По давно забытой привычке чуть не ляпнул: «Не веришь? Погугли в Инете». – И ещё сочинил оба альбома группы «Апогей», может, слышал о такой?

– Так я оба альбома слушал! – оживился Мик и тут же скривился от боли: – Чёрт, когда же уймётся эта кровь... У меня дома валяются оба магнитоальбома. Песенки симпатичные, но, на мой взгляд, слишком уж нежные.

– Ну, как говорят у меня на родине, на вкус и цвет товарищей нет, – кое-как перевёл я поговорку, стараясь, чтобы она звучала в рифму. – А здесь, может, буду сочинять в других стилях.

– А я тоже музыкант, – попытался удивить меня парнишка. – Но о моей группе ты, наверное, не слышал. Она называется The Rolling Stones.

– Ну почему, слышал кое-что краем уха.

– А что именно, какую песню? – снова сделал попытку оживиться Мик и опять скривился от боли.

Хо-хо, вот тут не облажаться бы. Быстро напрягаем память и вспоминаем, что Роллинги пели до 1965 года.

– Кажется, вещь называлась Tell Me и даже входила в Топ-40 американского хит-парада. Симпатичная баллада.

– Это точно, мы её с Китом написали... Эй, братишка, тормози, мы приехали!

Нэнси жила в старом двухэтажном особняке на несколько квартир. В её владении находилась небольшая комнатуха с почти такой же по размеру кухней и совмещённым санузлом. Ну хоть не коммуналка... А интересно, в Англии есть коммунальные квартиры?

– Спасибо, что привезли Мики, – рассыпалась в благодарностях девчушка с выжженными перекисью волосами. – Он вечно попадает во всякого рода истории. А мне нужно, наверное, позвонить его продюсеру.

– Нэн, успеешь позвонить Эндрю, дай что-нибудь холодное, приложить к глазу, – попросил Мик. – И ещё у меня правый бок болит, надо выпить таблетку обезболивающего.

– Думаю, там или перелом ребра, или трещина, – вставил я. – Желательно показаться врачу.

– Утром я обязательно отвезу его в больницу, – пообещала Нэнси, которая всё же вначале взялась за телефон. После того, как отзвонилась, выгребла весь лёд из холодильника, ссыпала его в пакет и дала Мику. – Может, выпьете кофе, мистер?..

– Парня зовут Егор, он русский, играет за «Челси» и сочиняет музыку, – запоздало представил меня Мик. – А выпить кофе – хорошая идея. Только сделай покрепче, как ты умеешь.

– Нет, спасибо, мне уже пора. Я вообще давно должен быть дома, но тут вот сами видите, что приключилось.

– Эй, Егор, спасибо тебе, – тормознул меня Джаггер, когда я направился к двери. – Кстати, у нас концерт в следующий четверг в клубе Crowdaddy, приходи к семи вечера, мы как раз выйдем на сцену.

– В следующий четверг? Игры не будет, а вечерняя тренировка, если что, у нас заканчивается в шесть, – пробормотал я. – Думаю, смогу подъехать... Ну всё, я побежал, и не забудьте утром съездить в больницу.

На выходе из дома я нос к носу столкнулся с запыхавшимся парнем.

– Привет, ты от Нэнси спускаешься? – спросил он меня.

– Ага, а ты, наверное, продюсер Мика?

– Точно, Эндрю Луг Олдхэм, – протянул парень мне свою узкую ладонь.

– Егор Мальцев.

– Погоди, так ты тот самый русский легионер из «Челси»?!

– Он самый.

– О, чёрт, круто! Ладно, поболтаем в другой раз, нужно посмотреть, в каком состоянии находится Мики.

На следующий день я спал почти до обеда. Проснувшись, принял душ, почистил зубы, запустил стиральную машинку, поставил на плиту сковороду, разбил три яйца...

По случаю вчерашних посиделок Дохерти внёс изменения в тренировочный график, освободив нас от утренней тренировки. Но на вечерней нужно было быть как штык, иначе Томми мог и всыпать по первое число. Как я понял, его в команде всё же побаиваются.

Этот день стал продолжением неожиданных встреч. На этот раз новое знакомство подкарауливало меня после вечерней тренировки, когда я неторопливо брёл в сторону автобусной остановки, – меня остановил звонкий девичий голос:

– Егор, здравствуйте!

Я опешил: приветствие было произнесено на великом и могучем почти без акцента. Поворачиваюсь и обнаруживаю очаровательную стройную блондинку, с интересом разглядывающую мою персону. Точно, из наших, русских, такие лица в Англии большая редкость. Интересно, кто она? Дочь посольского работника? Или каких-нибудь эмигрантов? А лицо отдаленно знакомое, будто я её когда-то давно уже где-то видел.

– Да, слушаю вас, мисс...

– Елена Викторовна Миронова. Но местные называют меня Хелен Миррен.

Я уже не удивляюсь происходящим вокруг меня событиям. Ну конечно, это же не кто иная, как звезда фильма «Калигула» и одна из лучших исполнительниц английских королей, по мнению самих англичан. Но всё это там, в прошедшем только для меня будущем. А сейчас передо мной стоит красивая девушка, едва ли старше меня.

– А я Егор. Егор Мальцев.

– Я знаю... Вы извините, что я вот так, прямо на улице вас останавливаю. Просто здесь, в Англии, так редко можно с кем-то поговорить по-русски.

– Ничего страшного, мне действительно очень приятно встретить человека, с которым можно пообщаться на родном языке.

Мы зашли в ближайший паб, где я заказал лёгкий ужин. Из дальнейшей беседы выяснилось, что дед у неё был самый настоящий царский генерал, который во время Первой мировой занимался закупкой вооружения для русской армии, а после Октябрьского переворота остался в Великобритании. А вот мама у Хелен англичанка. Имя и она, и отец сменили около десяти лет назад, во времена начала холодной войны русские имена не приветствовались. Однако между собой продолжали общаться на родном языке отца. Хелен и впрямь неплохо говорила на языке Пушкина, при этом иногда вставляя в свою речь забавные старорежимные словечки. Рассказала, что работает актрисой в Национальном молодёжном театре, но скоро будет её дебют в роли Клеопатры на сцене театра «Олд Вик» в шекспировской трагедии «Антоний и Клеопатра».

Я не удержался и тоже похвастался, что в какой-то мере её коллега, снимался в телесериале о советской милиции, автором идеи которого был, а заодно сочинил главную композицию. Ну и о съёмках в клипе упомянул на мою же песню. И тут выяснилось, что Лена-Хелен, как и Мик Джаггер, тоже слушала музыку «Апогея», а узнав, что автор текста и музыки в Лондоне, решила подойти познакомиться. Тем более она старше меня всего на один год, и столь ничтожная разница в возрасте, по мнению начинающей актрисы, не должна смущать нас обоих. Перед тем как попрощаться, мы обменялись телефонами и адресами, а заодно я пригласил её на футбол. В ответ она пообещала пригласить меня на свою премьеру.

«Ну что, – думал я уже в постели, выключив телик, – вот потихоньку и знакомлюсь с местными. Вчера Джаггер, сегодня Хелен Миррен... Интересно, кто завтра мне встретится? Уинстон Черчилль или королева Елизавета? И кстати, эта Хелен, тёзка моей Ленки, довольно симпатичная особа». Ещё немного погрузившись воспоминаниями о Лисёнке, я повернулся на правый бок и уснул.

Глава 3

Да, разница между союзным и английским чемпионатами чувствуется. Особенно отбитыми ногами. Если в чемпионате СССР практически у каждой команды

имеется собственный стиль, какая-то изюминка, то у англичан с этим просто беда. Советские команды больше играют в пас, активно используют домашние заготовки, в общем, практикуют комбинационный, остроатакующий футбол. Англичане более, что ли, консервативны. По итогам тех матчей, в которых мне довелось участвовать, сложилось впечатление, что английские клубы, кроме навесов и ударов по воротам из всех позиций, больше ничего не умеют. Как и мой «Челси», в общем-то. Но чего у них не отнять – всё это доведено до такого автоматизма, что практически каждый третий навес заканчивается либо голом, либо опасным ударом по воротам.

Ну и, конечно, борьба. Борьба на каждом участке поля на протяжении всех 90 минут. Что уж скрывать, в Союзе случалось, что с командами из нижней части таблицы часто играли просто на классе. В Англии такое просто невозможно. Команда, занимающая последнее место, бьётся с лидером так, словно играет в финале Лиги чемпионов.

В борьбе стыки кость в кость обычное дело. Причём, по-моему, болельщики просто с ума сходили от того, что ты, получив по ногам, вставал и показывал всем своим видом, что тебе не больно и вообще соперник бьёт тебя, как девчонка. Валяться на газоне и показывать, будто тебе больно, здесь было не принято, тебя освистают свои же болельщики. Сумасшедший дом какой-то. Мне, как иностранцу, да и вообще как техничному игроку, доставалось по самое не хочу. Нет, наверное, я неправильно выразился. Бить по ногам принимались защитники ещё до того, как я получал мяч, словно доказывая свою лихость, стелились в подкатах, пытаюсь выбить мяч желательнее с моими ногами.

И вот здесь-то я вспомнил несравненного француза Эрика Кантона. Тот, перейдя в «Манчестер Юнайтед» и столкнувшись со столь жёсткой игрой, принялся делать следующее... Увидев, что к нему сзади подкатывается игрок с намерением оторвать конечности, Кантона подпрыгивал и приземлялся на ногу соперника. Как говорится, с волками жить...

Я решил воспользоваться его опытом и в первом тайме ближайшей же игры повторил этот трюк. Не обращая внимания на вскрик футболиста, от перелома ноги которого спас качественный щиток, я на скорости обошёл центрального защитника и вколотил мяч в ворота. Во втором тайме я повторил этот приём ещё дважды, и, что удивительно, трибуны встретили подобный ход аплодисментами.

А на стадионах я стал замечать самодельные плакаты Prince George, и, как мне сказали игроки, это признак того, что болельщики признали меня за своего. Оказывается, Егора переименовали в Джорджа, так им было привычнее. Однако приятно, чёрт возьми...

Впрочем, не обходилось и без проблем. Например, на одной из двухсторонок между мной и защитником команды Роном Харрисом произошёл небольшой конфликт, едва не переросший в потасовку. Рон сыграл грубовато, я ответил тем же, защитнику это не понравилось, и в итоге пришлось вмешаться Томми Дохерти и другим игрокам. Впрочем, в раздевалке Рон первый ко мне подошёл и протянул руку, признав, что был не прав. Я мысленно выдохнул с облегчением, а то уже настраивал себя на «холодную войну», и далеко не факт, что остальные приняли бы мою сторону.

Вечером в четверг, как и обещал Мику, я появился в клубе Crawdaddy. Накануне, правда, отзвонился Федулову, перед которым отчитывался по телефону каждую неделю. О той драке у клуба я ему не рассказывал, просто объяснил, что познакомился с молодым музыкантом, который пригласил меня на свой концерт.

– Егор, а обязательно ходить по значным местам? – спросил консульский работник. – Это же чревато... м-м-м... последствиями.

– Леонид Ильич, не стоит волноваться, я вполне взрослый, сознательный комсомолец и не поддамся на провокации. А вот все клубы вы зря причёсываете под одну гребёнку, среди них есть и вполне приличные. И вроде бы этот Crawdaddy как раз из них.

– Откуда такие сведения, от этого музыканта? Ну они вам ещё и не такого наговорят... Учтите, каждое ваше действие рассматривается под микроскопом... где надо, ну, вы понимаете.

– Понимаю, Леонид Ильич, и потому глупостей не наделаю. Спасибо за доверие!

Найти заведение, где проходил концерт, проблем не составило, оказалось, что это на самом деле паб, а клубом называлась задняя комната заведения, служившая по вторникам джаз-клубом, по четвергам – рок-н-ролльным клубом и так далее.

Роллинги на небольшой сцене в зальчике, куда натолкался народ и где дым стоял коромыслом, появились в четверть восьмого. Все в одинаковых костюмчиках, подобный стиль в это время, похоже, был в ходу. Те же Битлы тоже любили приодеться одинаково, The Animals, The Zombies... Разве что The Who стояли особняком, и то не факт.

Лицо Мика всё ещё напоминало о жестоком избиении, даже толстый слой пудры не мог загримировать отливающий желтизной фингал под левым глазом. Кита Ричардса с ритм-гитарой я тоже сразу узнал. Кто там ещё... Ага, за ударной установкой Чарли Уоттс, а рядом с Миком ещё один гитарист – Брайан Джонс. Тот самый, которого в возрасте двадцати семи лет сгубило пристрастие к наркотикам. Но сейчас он был вполне бодр, жарил на гитаре, губной гармошке, вовсю подпевал Джаггеру и частенько вылезал на передний план.

Конечно, пребывать в такой тесноте, будучи зажатым между каким-то хиппи с невымытой шевелюрой и лысым здоровяком с бутылкой пива в руке, от которого разительно несло перегаром, удовольствия мало. Но в то же время я понимал, что Роллинги только в начале своего пути к вершине, никто им сразу не даст сцену Ковент-Гарден, так что и поклонникам группы приходилось терпеть некоторые неудобства. Но зато это создавало свой неповторимый колорит и наполняло моё сердце восторгом от осознания того, что я являюсь свидетелем столь исторического момента. Наверняка многие в моём будущем дорого заплатили бы, чтобы оказаться сейчас на моём месте. Но для этого нужно, чтобы их током шарахнуло, и впасть в кому. Не уверен, что многие на подобное согласились бы. А вот меня никто не спрашивал, судьбе было угодно сделать по-своему. И вот я нахожусь здесь, слушаю вживую выступление легендарных рокеров, когда о них особо-то ещё никто и не знает.

Группа играла сегодня вещи со своего первого альбома, который так и назывался – The Rolling Stones. Начали с композиции I Just Want To Make Love To You, затем сыграли Route 66, третьей – Honest I Do... Я догадывался, что их самая знаменитая вещь Satisfaction сегодня не прозвучит, потому что точно помнил, что она войдёт в следующий альбом Out Of Our Heads, вышедший в этом, 1965 году. Почему бы не предложить эту песню Роллингам в качестве своеобразного презента?

Но вдруг вещь уже написана, и они пока её приберегают для следующих концертов, после летнего выпуска грядущего альбома? Как я буду выглядеть в таком свете? Попасть впросак – это ещё самое мягкое выражение. Но можно

ведь поступить и хитрее!

Шоу входило в решающую фазу, группа завела народ, и публика орала что-то невразумительное, разве что на сцену не летели пивные бутылки и кружки. Но это скорее от восторга, чем от недовольства. А тут ещё Мик во время паузы между песнями показал пальцем в мою сторону и проорал в микрофон:

– Леди и джентльмены, в этом зале присутствует русский футболист из «Челси» Егор Мэлтсэфф. Недавно он оказал мне большую услугу, давайте его поприветствуем!

Небольшой зальчик взорвался аплодисментами. Лысый бугай, щерясь в бороду редкозубым ртом, так меня пихнул, что я точно улетел бы в стенку, не оказись плотно стиснутым людьми со всех сторон. Пришлось глупо улыбаться и махать руками, мол, спасибо, я с вами и в том же духе.

После концерта я без проблем завалился к Роллингам в гримёрку. Здесь было накурено ничуть не меньше, чем в зале, стоял звон пивных бутылок, а парни, включая продюсера группы Эндрю Олдхэма, живо обсуждали прошедшее шоу.

– О-о, смотрите, это же Егор! – поднялся мне навстречу Мик. – Пиво будешь?

– Хм, пиво... Да ладно, давай, от одной бутылочки ничего ужасного не случится.

– Да и от двух тоже, – хмыкнул Кит, присасываясь к горлышку.

– Парни, я вам уже рассказывал, это тот самый русский, который спас меня от братьев Мерсеров. И кстати, надо бы вернуть им должок, Майкл Филипп Джаггер такого не прощает.

– Надо было тебе сразу заявить в полицию, – отозвался Олдхэм.

– К чертям полицию, такие же уроды, как и эти братцы. Я с ними разберусь по-своему, дай срок...

Похоже, Джаггер готов был разобраться со всем злом мира, правда, только на словах. Что ж, натура творческая, не мне его винить. Может, так оно и лучше,

что он только языком молоть мастер, а то, чего доброго, не дожил бы до глубокой старости.

– Кстати, парни, Егор ещё и музыкой занимается, – сменил тему Джаггер. – У себя в Союзе он известный композитор и исполнитель.

– Серьёзно? – удивился Джонс. – Может, исполнишь что-нибудь из своего? Есть что-то на английском? – И он протянул мне акустическую гитару – дредноут Martin-D45.

Винтажная вещь, отличается громким звуком и усиленными басами, была популярна в эпоху, когда усилители и микрофоны ещё только начинали свой путь на сцену.

– Хм, что ж вам такое спеть... А вот, есть одна вещь. В общем, исполнил им Lady In Black от Кена Хенсли из Uriah Heep. Надеюсь, парень взамен этой песни родит хит не хуже. Ну а если не родит... Блин, ненавижу эти душевные терзания!

– А что, талантливо, – резюмировал Ричардс.

– Симпатичная мелодия, – поддержал Мик. – Конечно, не наш стиль, но своего слушателя найдёт.

Тут я должен был слегка зардеться, но что-то не рделось. Вместо этого я отхлебнул пива и заявил:

– Вообще-то у меня есть много разных вещей, не только баллады. Причём много, и я планирую понемногу их собирать в альбомы. А что-то буду предлагать другим исполнителям.

– Эй, парень, а у тебя есть продюсер? – спросил Олдхэм.

– Пока нет, хочешь им стать?

– Почему бы и нет? Если ты действительно настолько талантлив, то я мог бы организовать тебе выступление. У меня в лондонских клубах всё схвачено.

Ещё один любитель побахвалиться. Но в любом случае человек мог быть полезен, учитывая, что в кое-каких заведениях он реально смог бы организовать концерт. Правда, как на это посмотрит Федулов и прочие? Опять же, вдруг Роллинги своего продюсера ко мне заревнуют... Чего голову ломать, будем решать проблемы по мере их поступления.

- Почему бы и нет, Эндрю, я подумаю над твоим предложением.

- Эй, парни, - сменил тему Олдхэм, - я же вам должен за концерт! Вот, держите по десятке.

М-да, десять фунтов на рыло за концерт в прокуренном зале... Негусто, ну ничего, лет через десять их гонорары не будут идти ни в какое сравнение с сегодняшними. Москва тоже не сразу строилась, как пели Никитины... Кстати, неплохая песня, «сочинить» её, что ли, задним числом? В Союз-то всё равно вернусь рано или поздно. Другое дело, что песня аккурат встала в фильм «Москва слезам не верит», а его в это время точно не снимут, даже если я предложу идею. Может, и снимут, но получится совсем не тот, любимый миллионами фильм. Там же в тексте ведь и поётся: «Александра, Александра...» То есть муссируется имя дочери главной героини.

Пока шла раздача слонов я, негромко перебирая струны, вполголоса запел, как бы про себя, но при этом исподволь наблюдая за реакцией окружающих:

I can't get no satisfaction,

I can't get no satisfaction,

'Cause I try and I try and I try and I try.

I can't get no, I can't get no...

Ага, к середине песни появилась заинтересованность, разговоры замолкли, обратили внимание на меня. А я, увидев такое, стал громче ударять по струнам и добавил экспрессии в голосе. Закончив петь, с непробиваемым выражением на лице сделал из бутылки глоток пива.

- Егор, что это была за песня? - спросил Мик. - Ты придумал?

– Получается так, – кивнул я, внутренне расслабляясь. Видно, Джаггер и Ричардс до её сочинения ещё не дошли. И, похоже, теперь уже не дойдут.

– Кстати, всё думал, кому её предложить... Не хотите исполнить?

Короче говоря, через пятнадцать минут мы снова были на сцене, где быстро подключили все штекеры и усилки, а затем я снова начал её исполнять, уже под аккомпанемент Роллингов. За исключением Мика, который стоял перед сценой рядом с Олдхэмом, изображая слушателей.

В отличие от оригинального выступления группы, где солист просто пел в микрофон, мне пришлось опять вооружиться гитарой, но на этот раз её электрической версией. Пока парни врубятся, что к чему, нужно же кому-то играть ведущую партию. Всего-то пара-тройка аккордов по большому счёту, но ведь главное – как подать! Когда мы прогоняли песню по второму разу и парням удалось не только поймать ритм, но и обозначить вполне приличный аккомпанемент, я выложился на полную, в какой-то момент бросив гитару и принявшись бродить с микрофоном по сцене, насколько позволяли её миниатюрные размеры. Стоявшие чуть ниже Мик и Эндрю притопывали и хлопали в такт.

– Ну как, нормально звучит в оригинале? – вытирая рукавом пиджака вспотевший лоб, спросил я Мика.

– Это то, что надо, как раз в нашем стиле. Ты согласен, Эндрю?

– Точно, думаю, публика заведётся. Вроде слова и музыка непритязательные, но как-то затягивает. Эту вещь можно включить в ваш следующий альбом, Мик.

– Я тогда перепишу текст и ноты, хотя ребята и так эту простенькую мелодию выучили.

– Отлично... Кстати, Егор, где ты так здорово научился говорить по-английски? Ты вроде в Лондон перед Новым годом прилетел...

– Ну так я по условиям контракта два раза в неделю посещаю курсы, видно, хороший ученик.

Я и в самом деле похаживал на занятия, оговоренные по контракту, но откровенно там скучал. Хотя, вернее, больше забавлялся. Уроки были рассчитаны на практически полных дилетантов, я же вполне прилично владел языком, но вынужден был это скрывать, повторяя за педагогом давно известные выражения на языке Шекспира.

В общем, разошлись чуть не за полночь, вполне довольные друг другом и договорившись о дальнейших контактах. А на следующий день всю Англию потрясла новость о смерти Уинстона Черчилля. Похороны бывшего премьер-министра были назначены на 30 января, и по случаю траура все увеселительные и спортивные мероприятия отменили. Понятно, что и нас, игроков «Челси», освободили от тренировок, и мы всей командой ранним утром отправились на прощание с Черчиллем.

Похоже, у Вестминстерского зала собрался весь Лондон, если бы мы пришли чуть позже, чёрта с два удалось бы протолкнуться в первые ряды. Моё отношение к персоне Черчилля было неоднозначным. Да, фигура в мире политики считалась весьма значимой, но его нелюбовь к русским, особенно большевикам, была общеизвестна. То есть и ко мне отчасти тоже. Поэтому особой печали я не испытывал, пребывая лишь в роли стороннего наблюдателя. Кстати, многие в толпе отнюдь не выглядели грустящими, то и дело слышались смех и оживлённые разговоры. Для кого-то это так же было очередным шоу.

В 9.45 гроб с телом Черчилля был вынесен из Вестминстерского зала и водружён на лафет, после чего траурная процессия двинулась по Уайтхоллу через Трафальгарскую площадь, а затем по Стрэнд-стрит и Флит-стрит в сторону собора Святого Павла. Мы двигались параллельно, толпа сама несла нас.

В соборе, как мне подсказали, присутствовала королева Елизавета II. Может, удастся глянуть на неё одним глазком? Удалось, когда вполне ещё моложавая монархиня появилась на ступенях собора следом за гробом с телом Черчилля. По пути к тауэрской пристани мы разделились. Кто-то из команды решил сопровождать процессию до конца, то есть увидеть момент погружения гроба на катер, а часть вместе со мной отправилась в «Старый чеширский сыр», почтить память деятеля прошлого парой пинтов хорошего пива.

А спустя несколько дней в моей квартире раздался звонок, и на том конце провода прозвучал забавный акцент Хелен-Лены:

– Добрый вечер, Егор!

– А, Хелен, привет! Как дела?

– У меня послезавтра дебют на сцене театра «Олд Вик» в спектакле «Антоний и Клеопатра», хотела тебя пригласить. Придёшь?

– Так, завтра мы играем с «Астон Виллой»... Тебе повезло, – пошутил я, – у нас будет как раз выходной. Слушай, а давай тогда ты завтра на нашу игру, а послезавтра я на твой дебют.

– Здорово! Я не против.

– Тогда подходи к служебному входу на стадион где-то за час до матча, я выйду и проведу тебя.

Клуб из Бирмингема мы провели 3:1. Я, зная, что на Западной трибуне в восьмом ряду сидит будущая звезда кинематографа, носился как угорелый. Даже гол забил, и во время своего обычного празднования с проездом на коленях по жухлой февральской траве косился на Хелен.

Блин, влюбился я в неё, что ли?! А вдруг это, как в шпионских романах, какая-нибудь «медовая ловушка»? Завлекут парнишку, у которого гормоны играют, в свои сети, перевербуют... Да ну на фиг, какая к чёрту вербовка! Во-первых, меня и в Союзе ещё никто не вербовал, я простой сержант милиции и футболист. Ну и песенки до кучи сочиняю, здесь это для меня как бы хобби, за которое пока мне никто не платил. Надеюсь, пока... И какой я вообще могу представлять интерес для западных спецслужб? Если бы они, конечно, знали, что в теле парня затаился пришелец из будущего – другой вопрос. Но ведь этого не знает никто в мире, и я никому не собирался об этом рассказывать. Разве только случайно под гипнозом проболтаюсь или по пьянке. Да и по пьянке вряд ли, это в той жизни я сорвался и едва не стал законченным алкоголиком, а в этой ещё меня жизнь вполне радует и без спиртного.

В любом случае я всерьёз настраивал себя не поддаваться чарам Хелен, как бы она ни пыталась затащить меня в постель, если в её планах подобный сценарий вообще существовал. Безусловно, трудно здесь одному без любимой девушки, с которой встретишься не раньше лета этого года, но именно так и проверяется

верность – долгой разлукой. Да и опять же, не такая уж она и долгая. Из армии и мест, не столь отдалённых, возлюбленных годами ждут, а тут – всего ничего.

На этот раз для похода в театр пришлось специально покупать костюм. Непредвиденные траты, но в простенькой одежонке ещё не факт, что меня пустили бы в храм Мельпомены. Да и хотелось выглядеть более-менее презентабельно. Не фрак с бабочкой, конечно, но всё же. В итоге остановил свой выбор на клетчатом костюме от Burberry стоимостью в 150 фунтов. Вот ведь, почти всю заначку потратил, а ведь только что получал зарплату в консульстве. Хотя костюмчик, если честно, смотрелся потрясно, и в XXI веке в таком не стыдно было бы показаться в обществе.

– Вам очень идёт, молодой человек, – расплылась в улыбке миловидная продавщица с крошечным бюстом.

– Да уж, – пробормотал я, – за полторы сотни фунтов ещё бы не пошло...

Выходя из магазина со свёртком под мышкой, подумал, что даже клетка от Burberry смотрится в этом мире довольно свежо. Англичане ещё отходили от войны, большинство предпочитали неброские цвета, стандартные, общепринятые фасоны, мало чем в этом плане отличаясь от советских граждан. Тот же Мерс пока не начал свою деятельность, и на Карнаби-стрит в Сохо лавочка под этим брендом пока не открылась. А то ведь в таком сочном прикиде я мог бы стать частью «свингующего Лондона». Тут меня озарила мысль, не придумать ли самому этот яркий стиль, став законодателем моды? Ну а что, нанять пару швей, объяснить, что я хочу увидеть на выходе, благо кое-какие из тех моделей я помнил, пусть работают. Правда, всё это денег стоит, да ещё и помещение для магазина придётся арендовать... А денег пока таких нет. Это если альбомы успешно начнут расходиться, тогда я что-то получу на руки. Хотя ещё не вариант, вполне вероятно, что тот же Федулов позвонит и скажет: «Егор, что же это вы, свои песни издаёте в Англии, а о родине забыли. Я в том смысле, что валюта для Советского Союза лишней не будет». Вот что ему сказать в таком случае? «Отвали, чувак» или «Будет сделано»? То-то и оно, хочется и рыбку, как говорится, съесть... Ладно, пока у меня один фиг ещё ничего не вышло с песнями в финансовом плане, не будем бежать впереди паровоза.

Кстати, слушая музыкальные программы на радио или проглядывая их аналоги на ТВ, читая газеты и журналы, я обратил внимание, что «Битлз» не имеют той популярности, какая у них была в моё время. Не знаю, то ли дело в том, что я

позаимствовал немного песен для «Апогея», то ли что-то ещё, но «Битлз» были «одни из».

А ещё Леннон ну просто отжигает. Я слышал эту историю в той реальности, услышал от Олдхэма и в этой. Два года назад на концерте Битлов в присутствии королевской семьи Джон заявил: «Тех, кто сидит на дешёвых местах, просим аплодировать. Остальные могут ограничиться позвякиванием своих украшений!» Нет, ну он просто красавчик! Хоть сейчас его в комсомол принимай, да я бы ему и рекомендацию написал.

А в одном из журналов Леннон, к слову, обо мне упомянул. Ну не в том смысле, что он хвалил меня как музыканта, а прошёлся по политическим темам.

«Нам говорят: Советы пытаются захватить Европу, – вещал Джон. – Но я вижу, сейчас они открыты как никогда. Например, русский футболист в Англии. Заметьте, не англичанин играет в СССР, а наоборот, тогда как нам говорят, что мы – самая свободная нация в мире. Такое лицемерие меня просто выводит из себя».

Ну не знаю, это ли является показателем демократии. Может, английского игрока в наш футбол и не пустили бы, может, демократия в том, что как раз англичане пригласили меня к себе.

– Сэр, ваш билет, пожалуйста! – Голос билетёрши в массивных дверях театра вывел меня из задумчивости.

Я протянул благообразной старушке контрамарку, от которой она оторвала контрольку, и прошёл в фойе. А ничего так, впечатляет. В обеих жизнях здесь я был впервые, и хотя много чего на том веку перевидал, всё же позолота, картины на стенах и лепнина на потолке всегда внушали уважение. В толпе бродящих по фойе театралов встречались как совсем дряхлые, так и мои ровесники. А одна пара даже притащила с собой сына лет десяти, хотя я не был уверен, что ребёнку будет интересно наблюдать за перипетиями жизни античных персонажей.

Хелен в образе Клеопатры смотрелась весьма мило, я бы даже сказал, с налётом сексапильности. Какой-нибудь критик из будущего заявил бы, что актёры переигрывают, гипертрофируя выражения чувств, перебарщивают с

заламываниями рук и закатываниями глаз. Но публике нравилось, и на поклонах актёрам – Хелен в первую очередь – устроили овации и забросали охапками цветов.

Я тоже вручил ей букет из девятнадцати белых роз, символизирующих её возраст количеством и невинность цветом. На цветы у меня ушли почти все остатки моих денег, и, выходя из цветочного магазина, я не без сожаления подумал, что, вероятно, поспешил с отправкой половины зарплаты родственникам. Зато я мог пригласить Хелен после премьеры в паб на Флинт-стрит, где меня обещали кормить и поить бесплатно. Если Руперт не изменит своему обещанию, конечно, в противном случае моих оставшихся на жизнь денег хорошо бы хватило на оплату счёта. Но хозяин заведения своё слово держал, посадил нас за лучший столик и обслужил по высшему разряду. Ближе к полуночи я проводил Хелен до дверей её дома, вернее, отвёз на такси в пригород Лондона, сдал, можно сказать, родителям на руки, и на практически последние деньги на том же таксомоторе уже за полночь приехал домой. Вроде и тренировки не было сегодня, но я чувствовал себя настолько уставшим, что рухнул в постель, проигнорировав даже традиционный душ.

Глава 4

Я лежал в тёплой постели и следил за вальяжно парившими за оконным стеклом хлопьями снега. Это был всего лишь третий или четвёртый раз, когда за всю лондонскую зиму я увидел снег. А ведь уже конец февраля!

Настенные часы в виде футбольного мяча с эмблемой «Челси» – подарок ещё с моей презентации – показывали половину девятого утра. Как хорошо, что сегодня нет утренней тренировки.

А на вечер у меня были замечательные планы! Как-никак встретил здесь, в Лондоне, уроженца небольшого алтайского городка Камень-на-Оби. Звали его Фёдором Максимовичем Чуйко. Это был крепкий дед лет шестидесяти пяти, с русым чубом набок, густыми усами, аккуратно подстриженной седоватой бородкой и хитрым прищуром глаз. Ему только тулупа да двустволки за плечом не хватало для полноты образа.

Он сам на днях подошёл ко мне, причём мы пересеклись на выходе из кинотеатра Notting Hill Coronet с фильма «Мистер Питкин в тылу врага». Я как раз на русском себе под нос возмущался тем, что в зале можно курить, чем многие зрители и пользовались без зазрения совести.

– Сынок, ты никак русский?

Я обернулся и увидел перед собой в толпе выходявших из кинотеатра этого самого дедка, который и представился мне Фёдором Максимовичем. Слово за слово разговорились...

Оказалось, что обо мне он даже краем уха не слышал, поскольку ни музыкой, ни футболом не интересовался. А в Англию попал окольными путями во время Второй мировой.

– Я ж, Егорка, у нас в хозяйстве в заготконторе работал, мех добывал, с ружьишком по тайге хаживал, – говорил Максимыч, часом позже сидя со мной в пабе Руперта Адамса-младшего. – А потом война, в июле сорок первого на фронт, снайпером, мосинку модифицированную выдали, с прицелом. Кинули в самое пекло. Недели не прошло – попали в окружение. В тот день на рассвете немцы попёрли так, что сразу понял – хана нам. Но лапки поднимать никто и не думал, хотя суматохи хватало. Вокруг выстрелы, взрывы, крики... Один я, наверное, с холодной головой фрицев отстреливал из своей мосинки. Потом рядом рвануло миномётным снарядом, контузило меня, сознание потерял. Очнулся – вокруг немчура, по-своему лопочут, на меня пальцами показывают. Я, хоть и голова шумит, встать хочу, а они меня прикладами обратно на землю – лежи, мол, не рыпайся. Это мне ещё повезло, что винтовку взрывной волной отбросило, нашли бы с ней в руках – сразу пристрелили бы. Тут появляется их офицер, команду даёт, и меня с другими пленными гонят по дороге. Много нас было, голов двести, кабы не боле. К вечеру до какой-то станции добрались, там нас в эшелон – и в концлагерь «Нойенгамме», что на северо-западе Германии. – Максимыч посмотрел куда-то мимо меня, тяжело вздохнул и продолжил повествование: – Вспоминать те четыре года в плену нет желания, ты уж извини, Егорка. Хотя мне ещё повезло, ведь это был не лагерь смерти, трудовым считался. Короче, весной сорок пятого союзники нас освободили. Я на ногах едва стоял, язвы на ногах не проходили. А у англичан этих медсестричка была, Мэри, я её Машей звал. Симпатичная, на своём языке говорит что-то, будто иволга щебечет. Ухаживала за мной целый месяц, повязки меняла, да как-то у нас и слюбилось. В общем, предложила она мне с ней в Лондон ехать, она с родителями в пригороде жила,

в Фулхэме. А я подумал: ну что я теряю? Дома у меня ни детей, ни плетей, жениться так и не успел, по лесам ходючи. А здесь видная девка, даром что англичанка. Тут как раз наши появились, искали среди освобождённых советских граждан. Так Маша дело провернула таким макаром, что мне быстро документы новые выправили, в лагерях-то все под номерами проходили. И по ним-то, новым документам, я теперь звался английским подданным Фредди Марлоу. Ну, Фредди, понятно, от Фёдора пошло, а Марлоу – фамилия её какого-то знаменитого прадеда по материнской линии. В общем, за меня всё Маша решала, и вот так ей и удалось вывезти меня через пролив в Англию. А по приезде представила родителям, правду рассказала.

– Вы что же, так до сих пор и живёте под вымышленным именем и фамилией?

– Нет, Егор, где-то через месяц мы с Машей пошли в одно учреждение, опять же она разговор вела с начальником в погонах, а я только кивал. Мужик оказался с понятием, мол, ежели тебе, Фёдор, в СССР таперича тюрьма грозит, то рассмотрим вопрос о твоём британском подданстве. И займётся этим ещё больший начальник, который надо мной сидит. Но и тот, похоже, нормальным оказался, вошёл в положение, хотя без проверок всяких не обошлось. А ну вдруг шпион я какой? Долго ли, коротко ли, выдали мне паспорт гражданина Великобритании на моё настоящее имя, только без отчества, принято у них так.

– И как ваша новая семья?

– Да как... Домик мы свой купили, хоть и небольшой, а всё же отдельно от её родителей. Я на завод устроился, сначала учеником вальцовщика, потом сам стал на станке работать. Дочку родили – Катрин назвали, Катей то есть. А пять лет назад не стало моей Машеньки... Грузовиком сбило. – Максимыч влил в себя остатки пива и стукнул пустой кружкой по столешнице. – Мы с ней любили в этот кинотеатр ходить, где с тобой повстречались. Вот и после её смерти в память, что ли, раз в неделю, по воскресеньям, так и ходили мы сначала с Катей, а последний год я уж один похаживаю. Катька-то, ровесница твоя, о том годе замуж выскочила за бухгалтера какого-то, сейчас уж на сносях. Живут отдельно. А я вот один кукую... Письма, правда, иногда из Камня-на-Оби приходят, чуть ли не раз в год. У меня ж там сестра осталась, вот я как-то не выдержал, написал ей. Думал, не дойдёт письмо. Ан нет, дошло! Через полгода ответ от сестры получаю, мол, считали тебя пропавшим без вести, похоронили уже. А тут письмо, да ещё с фотографией, где я Машкой и Катькой маленькой на руках. Сам-то я, понятно, в Союз не рискну съездить, к себе в гости сестру зову, у неё уж внук

растёт, пишу, мол, и внука бери, может, и выпустят. Но пока не получается у них.

– Понятно...

– Слушай, а давай ты ко мне в гости приедешь, а?

– В гости? Хм, как-то неожиданно...

– Да я стол накрою, баньку истоплю... Представляешь, я ведь рядом с домом баньку поставил, прямо как у нас была, на Алтае. И поговорим по душам, я ведь уже давно сам с собой на родном языке говорю, а тут хоть земляк какой-никакой.

В общем, договорились, что как только появится свободное время, махну в Фулхэм, на баньку с квасом, который Максимыч сам изготавливал.

Вот сегодня к вечеру он меня и ждал, обещал к моему приезду баньку истопить.

Потянувшись, ещё какое-то время я нежился под одеялом, пока в животе не заурчало. А что, позавтракать – идея неплохая. Английский завтрак в виде яичницы с кусочком завалявшегося в холодильнике бекона и кружка ароматного чая с намазанным на тост маслом – это я вполне мог себе позволить, несмотря на более чем скромные финансовые возможности.

Наконец, последний раз потянувшись, выковырял себя из-под одеяла. Сделал несколько разогревающих упражнений. Вроде и батареи греют, а всё равно как-то прохладно. Пока махал руками, взгляд упал на лежавший на столе лист бумаги, вырванный из тетрадки в клеточку и исписанный аккуратным ученическим почерком. Не моим, с почерком у меня всегда была беда.

Не удержавшись, взял в руки полученное накануне письмо от Лисёнка и ещё раз его перечитал.

«Привет, Ёжик! Как же я ужасно по тебе соскучилась! Вчера ты мне вообще приснился, а сон был такой... нехороший. Будто между нами пропасть, а ты стоишь на другом её краю и грустно так мне улыбаешься. И такая печаль в твоих

глазах... Просыпаюсь – а лицо мокрое от слёз. Твою фотографию, этот маленький прямоугольничек храню у сердца. Помнишь, где ты улыбаешься? Я знаю, что это ты мне улыбаешься, и оттого на душе становится светлее.

С учёбой и дома всё хорошо, а с гимнастикой я решила закончить. Очень трудно совмещать спорт и учёбу, не представляю, как ты умудряешься играть в футбол на таком высоком уровне и сочинять песни. Решила сосредоточиться на получении высшего образования. Для гимнастики я всё равно уже старая... Да-да, не смейся, это в футбол можно играть до тридцати, а в художественной гимнастике двадцать лет – критический возраст. А мне уже почти двадцать. Тренером себя я не вижу, поэтому приоритет отдала учёбе.

Кстати, а как у тебя с учёбой обстоят дела? Ты же вроде в музучилище на заочном? Будешь потом сдавать все экзамены экстерном?

С твоими я не пересекаюсь, иногда перезваниваемся с Алевтиной Васильевной и Катей. У них тоже всё нормально, ну, они, наверное, и сами тебе пишут.

А я недавно подобрала на улице котёнка. Мама с папой были не против, чтобы я его оставила, наверное, и у меня, и у него был очень жалостливый вид. Он такой маленький, такой забавный, весь какой-то всклокоченный, и я решила его назвать... Ёжиком. Надеюсь, ты не против, если в моей квартире появится твой тёзка? Обещаю хранить тебе верность! Скучаю, целую, твой Лисёнок!»

Я всунул листок в конверт, выдвинул ящик стола и положил послание к остальным письмам, коих набралось пока четыре штуки. По одному от мамы и сестры, и вот уже второе за два месяца от Ленуськи. Невольно кинул взгляд на облечённые в рамки фотографии. На одной – мама с Андрейкой на руках, Ильич и сестра, на второй – задумчиво-романтичная Ленка с косичками. В горле как-то разом пересохло. С Лисёнком-то понятно, она моя девушка, но семья-то – Егора Мальцева, а не Алексея Лозового. И всё же они для меня уже стали родными, вот что хочешь делай, а не могу думать о них, как о чужих людях.

Письмо я получил вчера в консульстве, куда как раз относил свои – родным и Лисёнку. Федулова увидеть не удалось, да я особо и не стремился, корреспонденцию получил-передал рядовой сотрудник консульства. Вскрыть письмо решил дома, оттянув приятное событие, а по пути зашёл в парикмахерскую «У Дженни», которую мне посоветовали парни из клуба.

Оказалось, что там стрижётся полкоманды, причём недорого и вполне стильно. С меня, узнав, что я тоже из «Челси», взяли за стрижку всего полтора фунта. Честно говоря, не знаю, какие в Лондоне расценки на подобного рода услуги, может, полтора фунта считается и дорого, но, думаю, парикмахерша не стала меня обманывать. Как бы там ни было, в моём кошельке осталось двенадцать фунтов и пятьдесят пенсов. На это я должен жить ещё две недели. Теперь придётся экономить на всём, включая пропитание. Благо что хотя бы на выездах нас кормят, но в основном приходится рассчитывать на себя. Так, и где у нас тут магазины для бедных? Или будем рассчитывать на «Старый чеширский сыр»?

А ведь я ещё мечтал купить здесь приличную гитару... Наивный! Знал бы, захватил бы из дому, а то поленился тащить, и вот теперь даже побренчать не на чем.

Кстати, не пора ли напрямчь Эндрю с организацией моего выступления? Как-никак даже десятка фунтов, при виде которой я ухмылялся про себя в гримёрке после концерта Роллингов в клубе Crawdaddy, сейчас стала бы для меня хорошим подспорьем. А концертную программу я уже в принципе составил. Даже две, невзирая на то что у меня не было инструмента, чтобы просто порепетировать. Всё, как говорится, из головы.

Одна программа – небольшая, под акустическую гитару. Составляя её, я предполагал, что вряд ли мне дадут сцену хотя бы на час. Скорее всего, невзирая на мои композиторские заслуги в Союзе, кинут на разогрев перед теми же Роллингами. А вторая программа была рассчитана на час-полтора, причём с полноценным аккомпанементом, ритм-секцией, соло-гитарой, которую я героически взял бы на себя... А где искать аккомпаниаторов? На ум приходят только всё те же Роллинги, кого ещё Олдхэм мог бы мне подсунуть в качестве аккомпанирующего состава?

В будущем, конечно, можно было бы попытаться сколотить свою группу. Музыкантов в Англии сейчас пруд пруди, каждый день группы рождаются и умирают, на плаву остаются единицы. Так что зацепить пару-тройку приличного уровня музыкантов, думаю, особого труда не составило бы. Но, во-первых, в Англии я трудоустроен прежде всего как футболист, а не как музыкант. И во-вторых, у этого футболиста через несколько месяцев истекает контракт, и он вполне может вернуться в Союз, невзирая на качественную, даже по моим ощущениям, игру.

Невольно вспомнилось, как по молодости в той жизни мы все видели себя рок-н-рольщиками. Но жизнь нас быстро обломала, поставив перед выбором: либо рок и вечное недоедание с милицейскими облавами, либо более-менее сытая жизнь в качестве ВИА при какой-нибудь филармонии. Я тогда как раз первый раз женился, и вопрос с финансированием стоял весьма остро. Потому и сдался, предпочтя попсовую халтуру при филармонии голодной рокерской свободе. А затем так и не смог выбраться из этой колеи. А тут, получается, судьба подбросила мне шанс попробовать всё сначала, пусть и не на родине. И смогу ли я им воспользоваться, тот ещё вопрос.

Между тем в местном музыкальном журнале появилась небольшая заметка о новом, третьем по счёту альбоме группы «Апогей». Однако... Видно, ребята поняли, что теперь от меня долго не дождутся новых песен, и решили взяться за дело собственными силами. Ну-ка, и что пишет пресса?

«Советская группа The Apogee выпустила свой третий альбом под названием Background. По сравнению с предыдущими двумя сборниками, автором которых является ныне футболист „Челси“ Egor Maltseff, новый получился не столь удачным. В то же время пара вещей в альбоме вполне приличного уровня, возможно, потенциальные хиты, да и остальные песни выдерживают определённый стиль. Для обычного альбома групп уровня Herman's Hermits или Manfred Mann такое положение было бы в порядке вещей. Но первые два альбома группы The Apogee настолько подняли планку, что поневоле ждёшь от музыкантов работы высокого уровня. Впрочем, не исключено, что какие-то песни – прежде всего надежда на Smooth и From the Inside – попадут в чарты UK и Соединённых Штатов. И займут в них высокие места. Запасёмся терпением».

Вот так вот, помнят, демоны, кто хиты сочиняет! А ребятам я мог бы помочь, но не раньше, чем вернусь в СССР. Что я им, песни по переписке буду отправлять? Нет уж, я должен присутствовать на репетиции и одобрить каждую вещь, ещё не хватало, чтобы они слажали где-то, а меня, как автора, в этом обвинили. Так что пусть ждут моего возвращения, чем-нибудь я их, возможно, и пораду. Хотя не могу не отметить, молодцы, не стали сидеть сложа руки, интересно было бы послушать, что они там сочинили. Может, впрямь что-то стоящее?

Очередной матч чемпионата мы играли против «Ноттингем Форест», который в моей реальности в конце 1970-х дважды подряд выигрывал Кубок европейских чемпионов. Сейчас, правда, это была весьма посредственная команда, однако

способная, как и любой клуб Лиги, преподнести сюрприз.

Перед матчем «лесники» лишились своего основного голкипера, на последний рубеж им пришлось ставить молодого сменщика, поэтому Дохерти посоветовал бить как можно чаще. Ха, мог бы и не советовать, в Англии и так лупят по воротам при первой возможности. Ну разве что я пытаюсь привнести зачатки комбинационного стиля, и Томми меня за это не то что хвалит, но и не ругает. А раз не ругает, можно продолжать в том же духе. Что я и проделывал в игре против «Ноттингема» раз за разом. К счастью, мои партнёры уже начали кое-что перенимать из моего арсенала, те же «стеночки», после одной из которых в начале второго тайма мне удалось выйти один на один с вратарём «лесников». Однако тот самый восемнадцатилетний сменщик успел сократить угол обстрела и парировать удар. Вообще парень здорово смотрелся, что, однако, не уберегло его команду от пары пропущенных мячей, которые принесли «Челси» победу с сухим счётом. Правда, я немного расстроился, что не я стал их автором.

После игры я отправился ужинать к Адамсу-младшему, тот в очередной раз угостил меня своей фирменной картошкой с рыбой, сырной нарезкой и кружкой пива – от больших доз я решительно отказывался в угоду режиму.

А дома, не успел я переступить порог, затрезвонил телефон.

– Хай, привет, Егор! Это Эндрю, узнал?

– О, привет, теперь узнал.

– Я тебе полдня пытаюсь дозвониться...

– Так у нас игра была с «лесниками», а после я ужинал в пабе, только домой зашёл.

– Чёрт, сегодня же тур, я и забыл... Как сыграли?

– Выиграли 2:0. У меня был момент, но я его запарол.

– Ерунда, ты и так забиваешь чуть ли не в каждой игре... Я вообще-то звоню, чтобы узнать, готов ли ты выступить на следующей неделе в клубе Flamingo, на

разогреве у малоизвестной, но перспективной блюзовой певицы из Штатов Дженис Джоплин? Это на Уорддор-стрит. Помнишь знаменитое «Дело Профьюмо»?.. Хотя откуда, ты же только приехал, а это было в шестьдесят втором...

Охренеть, ещё и Джоплин подъехала! Рок-паноптикум растёт и ширится. Моррисон с Хендриксом, часом, не планируют отыграть в каком-нибудь лондонском клубе? Ну а что, тоже уже, наверное, считаются молодыми, но перспективными. А меня, глядишь, к ним на разогрев.

– В общем, если у тебя готова программа, то двадцать восьмого февраля можешь представить её на публике, – продолжал Олдхэм. – Надеюсь, «Челси» в этот воскресный день не играет?

– Даже если бы играл, я уж нашёл бы в себе силы исполнить несколько сетов. Другое дело, что накануне матчей нам рекомендовано ложиться спать пораньше. Но последний день зимы как раз выпадает на окно между играми со «Сток Сити» и «Питерборо», так что в принципе... почему бы и нет? Кстати, у меня две программы – акустическая сольная и в составе пока ещё несуществующей группы.

– Думаю, с группой было бы лучше, но это и больше гонораров платить... – задумчиво протянул Эндрю. – Тем более дебют, можно попробовать отыграть акустику, если народу понравится – тогда резон перейти на следующий уровень.

– Ну, акустику так акустику, это хоть завтра. Единственное – найдёшь мне приличную гитару напрокат?

– Не вопрос, какая модель тебя устроит?

– Помнишь, в гримёрке я играл на Martin-D45? Она вполне подойдёт. И лучше получить инструмент накануне, я хоть дома порепетировал бы.

– Договорились! Кстати, играть будешь минут тридцать, не больше, наберёшь материала?

– Сольная программа где-то на полчаса и рассчитана, так что не переживай. А сколько гонорар, если не секрет?

– Э-э-э... Ну, если бы с группой – тогда по семь фунтов на каждого вышло бы, а так получишь двенадцать. Пойми, я ведь тоже рискую, ещё неизвестно, как тебя примет публика.

– Будем надеяться, что не освистают.

Эх, тут я с тоской вспомнил наше московское трио. С Ивановым-Крамским и Каширским выступление получилось бы вполне удобоваримым, а так придётся отбиваться в одиночку. Ладно, я как-никак по той-то жизни профессиональный музыкант, инструментом владею прилично, выкарабкаемся. Ещё и не в такие передраги попадал. Особенно если вспомнить, как на одной подмосковной даче работал на корпоративе перед ворами в законе... Хотя лучше не вспоминать.

Итак, выступает Джоплин, то есть народ соберётся потусить под ритм-энд-блюз в угаре марихуаны. Или LSD, как-то ещё не интересовался, что сейчас молодёжь вкуривает или всасывает. По идее, и я должен исполнять что-то блюзовое. Хрен знает, прокатит или нет, придумывать что-то новое не было ни малейшего желания, но моя программа состояла почти полностью из баллад. Будем надеяться, что меня не закидают пустыми пивными бутылками. Или даже полными, что, наверное, более чревато при прямом попадании в голову.

О мероприятии я решил Федулову не докладывать, ни к чему лишние вопросы. Надеюсь, он и не узнает об этом междусобойчике в одном из ночных клубов Лондона. А двенадцать фунтов будут точно нелишними, учитывая, что до зарплаты у меня оставалось денег всего ничего. Хорошо ещё, что до района Фулхэм, где находились «Стэмфорд Бридж» и штаб-квартира «Челси», от моего дома было не так далеко, поэтому я мог позволить себе пешую прогулку, а не тратиться на метро, автобус и тем более такси.

Учитывая относительно близкое расположение нашей базы от домика Максимыча, я беззастенчиво этим пользовался. В том смысле, что иногда позволял себе заглядывать в гости к старику, который был только рад попарить земляка и угостить его своим фирменным квасом. Как-то, нежась после парилки с кружкой холодного ядрёного кваса, вышибавшего лёгкую слезу, я посоветовал Максимычу организовать массовое производство прохладительного русского

напитка.

– Оформишь лицензию, договоришься для начала с хозяевами небольших магазинчиков, посмотришь, как дело пойдёт. И кстати, на аглицкий манер назови его «MaximЫch». Давай я тебе даже на бумажке напишу – с большой русской буквой «Ы», как мне кажется, будет выглядеть более стильно.

– А что, идея неплохая, – почесал лоб Чуйко. – Надо её обмозговать, что и как. Давай-ка я тебе ещё кваску плесну, нечего с пустой кружкой куковать.

В субботу, 27 февраля, я получил в своё распоряжение обещанную гитару вместе со вполне приличным кофром и весь вечер гонял программу, прикидывая, как это будет выглядеть завтра в прокуренном зале ночного клуба. Поневоле вспомнились «квартирники» молодого Алексея Лозового, как сидели на кухнях до утра, перебирая струны и гоняя чай из опилок. Может, и здесь, в Лондоне, устроить нечто подобное? Собрать молодых рокеров, из которых кое-кто уже вкусил славы, и петь друг другу песни под настоящий ароматный чай? Вот только режим может полететь к чертям. В общем, с этой мыслью надо будет как-нибудь переспать.

А на следующий день я появился на Уорддор-стрит, 33 за час до своего выхода на сцену. Олдхэм меня уже поджидал, показал мне место моего будущего выступления. Пока клуб напоминал вполне цивильное заведение, люди выпивали и закусывали, а на небольшой сцене темнокожие музыканты негромко наигрывали джаз, под который некоторые посетители медленно двигались на танцполе. Как-то и не верилось, что через час-другой здесь будет настоящий ад. Или я всё же немного преувеличиваю?

За полчаса до начала моего выступления к чёрному ходу подъехала Джоуплин вместе со своей группой из трёх музыкантов – явно не Big Brother & The Holding Company, с которыми она скорешится только летом этого года. Н-да, недаром в университете, где она училась, в одной из студенческих газет её называли «самым страшным из парней». Было в ней что-то... мужиковатое. Да ещё торчавшая изо рта сигарета...

Но в то же время от Дженис исходили какие-то располагающие флюиды, мне редко в жизни – в той и этой – встречались люди, обладающие таким магнетизмом. Плюс на это накладывалось понимание, что я лицезрею очередную

легенду рок-музыки, которая выбрала лучший мир в возрасте всего двадцати семи лет. Хендрикс, Джоплин, Моррисон... Они ушли один за другим, меньше чем за год, все практически ровесники. И всех сгубили алкоголь или наркотики, а скорее и то и другое. Предупредить их? А смысл? Всё равно как кололись, пили, курили, так и продолжают это делать, отыскивая в угаре вдохновение. Деструктивные личности, и при этом некоторые из них, как та же Джоплин, притягивали к себе людей.

– Дженис, а это русский футболист, он сегодня играет у тебя на разогреве, – представил меня ухмыляющийся Олдхэм.

– Футболист? Из Союза? – удивилась прокуренным голосом певица, переводя взгляд с меня на Эндрю и обратно.

– Да, он играет за «Челси» и при этом сочиняет классные песни! У себя в Союзе он считается неплохим композитором. Недавно один потенциальный хит написал, кстати, для моей группы «Роллинг Стоунз». А сегодня выступит под акустическую гитару.

– Что будешь петь? Блюз, ритм-энд-блюз, рок-н-ролл? – спросила меня Джоплин.

– Ну, на блюз это не очень похоже. Даже затрудняюсь определить жанр, что-то роковое, но не рок-н-ролл... Надеюсь, публике понравится.

– Да уж, постарайся не облажаться, парень, не испогань мне выступление.

Хе, девушка весьма прямолинейна, что, впрочем, я помнил из прочитанных в будущем на эту тему газетных и журнальных статей.

Дженис и её парни скрылись в гримёрке, мне же в качестве гримуборной был отведён совсем маленький закуток. Делать там было нечего, переодеться и гримироваться я не собирался, поэтому просто ждал, когда можно будет проверить звук.

Между тем на Уорддор-стрит у дверей заведения выстроилась очередь из довольно шумных молодых людей. Это я увидел, высунувшись из оконца второго этажа, в какой-то момент даже появилось глупое желание плюнуть кому-нибудь

на голову. Но всё же сдержался. Это ж моя аудитория, потенциальные поклонники.

Ух, что-то сердечко колотится, как в былые времена. Нет, ребята, скажу я вам, что выход на поле переполненного стадиона и выход на сцену перед залом пусть даже на полторы сотни человек – две большие разницы. Не знаю, как это объяснить, но сердце бьётся в другом регистре. Вот и в этот раз, ожидая в боковом коридорчике, когда меня объявит Олдхэм, я крепко зажмурился и попытался привести себя в равновесие, пожалев, что отказался от предложенного Эндрю стаканчика виски.

– Леди и джентльмены! Все вы, конечно, с нетерпением ждёте появления на этой сцене талантливой певицы из Соединенных Штатов Дженис Джоплин. И вы её увидите и услышите, это я вам гарантирую! Но чуть позже. А пока позвольте представить вам русского футболиста из «Челси» Егора Мэлтсэфф...

– Он что, в футбол тут будет играть? – выкрик из толпы.

– Уверен, что он мог бы и пофутболить, но сейчас он будет играть музыку, свою музыку, и исполнять собственные песни. А после этого вы можете выразить о нём своё мнение. Прошу!

Ну что ж, пора!

При моём появлении народ востепенулся, кто-то свистнул, кто-то закашлялся...

– Эй, коммунист! Спой нам гимн Советского Союза! По залу прокатился хохот. Ладно, настанет время, ещё услышите советский гимн, и не раз. А пока будем брать вас за жабры вокально-инструментальным творчеством. Ёлки-палки, а это ещё что?! На заднике сцены был растянут... красный серпасто-молоткастый флаг! Ну Эндрю, ну паразит, когда только успел! Ладно, этот факт мы после обсудим.

– Всем привет! – заняв место на высоком стуле и откашлявшись, говорю я в микрофон. – Меня зовут Егор, по-английски, наверное, Джордж, я не против, называйте, как вам удобнее. Когда-то я был простым московским подростком, не самым благополучным, по-вашему, хулиганом. Но как-то меня ударило током, и я потерял сознание. А когда очнулся, то мир вокруг меня изменился. Вернее, мир

остался прежним, а изменился я. И понял, что жизнь нужно кардинально менять. Открыл в себе талант к футболу и музыке. Как я играю на поле, многие из вас, я уверен, могли убедиться...

– Да, я видел, как он играет! – выкрикнул долговязый парень в короткой куртке. – Этот Джордж реально крут.

– Спасибо, но теперь вам предстоит убедиться, какой из меня музыкант. Надеюсь, я вас не разочарую.

Начал я с песни из репертуара Скорпов – Holiday, при этом присматриваясь к публике. Пока народ в непонятках. Шли в общем-то оторваться на Джоуплин, а тут перед ней какой-то русский футболист на одинокой гитаре тренькает. Хотя тренькает что-то вполне мелодичное и душевное.

А как вам Knockin' on Heaven's Door? Чёрт, как же теперь без неё Боб Дилан... Эх, ну теперь уже, как говорится у нас, славян, снявши голову, по волосам не плачут.

Кстати, если кто не знает, Losing My Religion из-за отсутствия мандолины и под гитару неплохо играется. Зрители это одобрили, и ещё как!

Soldier of Fortune я разучивал лет сорок с лишним назад, вчера только решил повторить после столь долгого перерыва. К счастью, текст не забыл, а уж ноты тем более.

Добавил депрессивного гранжа в виде Come As You Are и Heart – Shaped Box от Курта Кобейна. А народ-то завёлся, и ведь не орут, черти, а реально СЛУШАЮТ. Некоторые ещё и покачиваются, взявшись за поднятые вверх руки. Несколько человек зажигалки свои включили, огоньки медленно плавают в сумраке зала. Красиво, однако!

А это кто там из боковой двери выглядывает? Ха, сама Дженис, и, похоже, её всерьёз пробрало. Недаром и о сигарете забыла, бычок тлел уже почти между пальцев, эдак и обжечься недолго. И не понять, какие чувства испытывает, то ли вне себя от злости, то ли не ожидала, что русский футболист такое на сцене умеет вытворять.

А на десерт я приготовил пару замечательных баллад от Metallica – The Unforgiven и Nothing Else Matters. Гитарная партия в обоих случаях не такая уж и сложная, как могло бы показаться непосвящённому на первый взгляд, многие со страхом брались за ту же Nothing Else Matters, но в итоге оказывалось, что не так страшен Джеймс Хетфилд, как его малюют. Во всяком случае, я когда-то освоил эту гитарную партию меньше чем за час. Какой же я молодец, что моя любовь к качественной музыке не утонула в океане попсы...

– Ещё! Русский, давай ещё!

Глядя на беснующуюся толпу, я чувствовал, как меня распирает гордость. Совесть, впрочем, малость трепыхнулась, намекая, что я тут, собственно, жирую за счёт других авторов, так что мне пришлось пинками загонять её под лавку. Эти авторы ещё что-нибудь сочинят, может, я, наоборот, делаю добро, заставляя того же Дилана придумывать новые хиты.

– Ладно, – как бы нехотя соглашаюсь, – но только одну песню, потому что близится время Дженис, а я не хотел бы отнимать её у вас. Песня называется Try, а о чём она... О мужчине и женщине, о нас с вами, о любви.

Ну да, та самая вещица в исполнении Pink, которую я полгода напевал после того, как впервые услышал. Вновь вооружившись медиатором, без которого тут должного звучания не добьёшься, начинаю петь, только в последний момент догадавшись в первой строчке заменить he's doing на she's doing. Нет, можно было оставить как бы от лица женщины, в СССР в это время без вопросов, а тут небось гомосятина уже процветает, ещё не так поймут. А оно мне надо? Как бы там ни было, сцену я покидал под вопли полутора сотен новообретённых фанатов. По пути столкнулся с Джоплин, следом за которой тенью двигались её музыканты. Только что она хмурилась, а сейчас, проходя мимо меня, улыбнулась и подмигнула. От сердца отлегло, надеюсь, блюзвумен меня не сильно заревновала к слушателям.

– Это было круто! – высказалась Дженис в микрофон, отодвинув малость опешившего Эндрю в сторону. – Выступать после этого парня даже как-то стрёмно. Но ничего, мы постараемся вас взбодрить. Только потерпите ещё несколько минут, нам тоже нужно настроить звук.

Не успел я оказаться в гримёрке, как следом влетел Олдхэм:

– Егор, это было нечто! Честно, я сам не ожидал, что ты так здорово выступишь. Что это за стиль? Фолк? Кантри?.. Нет, тут какая-то смесь стилей... Но как ни крути, а было потрясающе!

– Согласен, народу понравилось, – натянув на лицо маску хладнокровного убийцы, ответил я. – Эндрю, откуда на сцене взялся советский флаг?

– Я здесь ни при чём! Это команда Дженис притащила его с собой, сами и повесили. Может, они все коммунисты, хочешь, сам у них выясняй.

– Хм... Понятно... А где мои деньги?

– Ох, да разве я могу тебя обмануть?! Держи, вот твои двенадцать фунтов... Слушай, Егор, я хочу организовать ещё одно твоё выступление. Только не на разогреве, а сольное. Уверен, после сегодняшнего концерта слух о тебе разнесётся по всему Лондону. В смысле, тебя и так уже знают, но теперь узнают и как музыканта. Ну так что, готов ещё раз выступить? Если хочешь, можем набрать тебе сессионных музыкантов.

Я с тоской подумал о Федулове. Узнай он, что я левачу с концертами, такого можно ожидать! Блин, и хочется, и колется...

– Я подумаю, Эндрю, над твоим предложением. Продюсер исчез, а я всё часовое выступление Джоуплин просидел в гримёрке, откинувшись в потёртом кресле с закрытыми глазами, а сквозь опущенные веки краснотой просвечивал свет лампы без абажура. А ведь я изначально собирался из бокового прохода послушать выступление легендарной в будущем певицы. Но что-то не было сил, наверное, всё оставил на сцене. Да и нужно было как-то переварить впечатления от своего концерта.

Наконец шоу завершилось, слышно было, как публика кричит и свистит, а Дженис благодарит зрителей за внимание. Потом шаги нескольких человек по коридору, хлопнувшая дверь соседней гримёрки. Ладно, чего сидеть-то, домой двигать надо. Блин, только гитару не мешало бы вернуть Олдхэму, не моя всё-таки.

И где его носит? Ха, понятно, его всё такой же возбуждённый голос доносился из-за двери комнаты, занятой Джоуплин и её музыкантами. Я вежливо постучал,

потом толкнул дверь:

- Эндрю, я хотел тебе вернуть инструмент...

- Заходи, - махнула мне Дженис. - Присаживайся.

Возле неё на столике стояла откупоренная бутылка джина, а во рту дымилась опять... нет, не сигарета, а что-то самопальное с характерным запахом.

- Будешь? - протянула она мне обмусоленный косячок.

Твою ж мать, я уже и забыл, когда последний раз втягивал в себя насыщенный каннабиноидами дым. Надеюсь, от пары затяжек меня не вырвет и в пляс не пущусь...

А ничего так, качественная травка. Затянулся даже три раза, после чего Дженис отняла у меня самокрутку и косяк пошёл по кругу.

- Слушай, а правда, ты коммунист? - неожиданно спросила она меня.

- Пока нет, - честно признался я.

- А я вот думаю, может, мне в компартию вступить... Даже достала какой-то труд Ленина, но мало что поняла из его рассуждений. А вот мой сосед по дому, Линдон, он как-то доходчиво всё объясняет. Он в компартии уже три года, правда, ему голову недавно проломили какие-то уроды, Линдон теперь левым ухом слышать перестал, но я почему-то после этого ещё больше захотела вступить в компартию.

Затем разговор как-то незаметно свернул на музыку, и я вновь удостоился похвалы от Дженис, которая поинтересовалась, где можно достать мой альбом именно с этими песнями. Сказал, что ещё нигде, но, вероятно, это дело ближайшего будущего. Во всяком случае, так всех заверил Эндрю, после чего принялся рассчитывать с Джоуплин и её музыкантами. Чтобы их не смущать, я на секунду отвлек Олдхэма, показав ему, что у стены стоит гитара в кофре, и вежливо откланялся.

Да, думал я, сейчас ни Роллинги, ни Битлы, ни та же Джоплин особых эмоций у любителей музыки не вызывают. Нет, фанаты есть, как не быть. Вон, к примеру, ливерпульская четвёрка уже вызывает у некоторых особо впечатлительных дам истерику. Но всё это ничто по сравнению с тем, какого триумфа добьются исполнители спустя десятилетия, и многие, причём, посмертно. И только я с высоты своих лет понимаю, с кем достаиваюсь чести общаться накоротке. И даже сочинять песни для тех же Роллингов, хотя и придуманные не мной. Но это уже, как говорится, совсем другая история...

А через пару дней на предпоследней полосе таблоида The Sun, где регулярно описывалась жизнь звёзд, появился очерк о концерте Джоплин, в котором была упомянута и моя персона. Мало того, рядом с фотографией будущей королевы ритм-энд-блюза красовался снимок, где я был запечатлён в весьма удачном ракурсе. Странно, я должен был бы заметить фотовспышку... А в целом моё выступление удостоилось самых лестных слов, было названо психоделической музыкой, и выражалась надежда, что вскоре о молодом русском все заговорят не только как о футболисте.

Звонок от Федулова раздался буквально через час после того, как я прочитал газету.

– Егор Дмитриевич, что же вы делаете?!

– Что такое, Леонид Ильич?

– Что такое? Это вы меня спрашиваете, что такое?! Егор, вы, наверное, забыли, зачем приехали в Лондон? Почему я открываю свежий номер The Sun и вижу фотографию Егора Мальцева в каком-то ночном клубе, выступающим перед обкуренной и накачанной алкоголем толпой?

– Ну это вы утрируете, Леонид Ильич, люди выглядели вполне адекватными. Тем более отзыв в газете положительный! Да и песни, можно сказать, звучали правильные. Некоторые о любви, некоторые с философским подтекстом, а некоторые о несправедливости устройства капиталистического мира.

– Да? Интересно... И где же вы, Егор, так быстро английским овладели?

В голосе сотрудника советского консульства послышался металл, от которого у меня по спине побежали мурашки.

– Так ведь с педагогом занимаюсь, бывшего эмигранта подсунули, дедульку лет семидесяти, у него не забалуешь. Чуть что – учебником по лбу. И бьёт ведь больно, как пенсионер! Но я сам далеко не уверен, что грамотно составил тексты для песен, хотя от зрителей нареканий вроде не было.

– Хм, это мы в курсе, насчёт педагога, – вроде как смягчился Федулов. – Поймите, Егор, что Советский Союз делегировал вас в капиталистическую державу в качестве футболиста, а не музыканта. Чтобы вы прославляли честь советского футбола на английских полях, а не распевали перед... Ну, не буду повторяться. Да ещё и флаг СССР растянули, вон на фото его кусок виден.

– А вот это к команде Дженис Джоуплин, которая выступала после меня. Они вешали. А Джоуплин вообще хочет в компартию вступить. Спрашивала моего совета.

– А вы что?

– А что я? Вступай, говорю, читай Маркса, Ленина, всё в этом духе.

– Да? Хм... Но всё равно насчёт этого концерта мне придётся доложить куда надо. И я не уверен, что ТАМ одобряют ваши действия.

– Я понял свою ошибку, Леонид Ильич.

– Рад за вас... Ладно, отдыхайте, у вас завтра игра с «Питерборо», если я не ошибаюсь?

– Да, с ними.

– Желаю успеха, Егор! И забейте там гол-другой, не забывайте, что вы несете в Англии знамя советского спорта.

Глава 5

Умеют же, когда надо, решать вопросы оперативно. Буквально через день, не успел я как следует отоспаться после победного матча с «Питерборо Юнайтед» – Федулов оказался провидцем, – в моей квартире раздался телефонный звонок. Зевая, я прошлёпал к трезвонящему в коридоре аппарату.

– Алло!

– Товарищ Мальцев? – Голос был незнакомый, что меня сразу напрягло.

– Да, я. С кем имею честь?

– Это Топорков, Василий Кузьмич, э-э-э... представитель консульского отдела. Надеюсь, я вас не разбудил?

– Ну-у, не то чтобы... Всё нормально, товарищ Топорков.

– Замечательно, тогда я сразу к делу. Видите ли, Егор, я по поводу вашего недавнего выступления в клубе Flamingo.

О боже, опять! Что ещё на этот раз?! Депортируют на родину в наручниках?

– У меня уже был разговор по этому поводу с товарищем Федуловым, – вызывающе вежливо говорю в трубку.

– Да, я в курсе, потому и звоню. Не могли бы вы подойти в консульство с текстами ваших песен? Дело в том, что мы получили просьбу переправить их в СССР, где тексты должна утвердить соответствующая комиссия.

– Да, зайду, сегодня не обещаю, но завтра можно. Забегая вперёд, скажу, что ни по одному тексту претензий не было, да я и сам перед тем, как отнести их в консульство, с пристрастием перечитал. Вроде бы нигде капиталистический строй не прославляю, содомию и прочие мерзости не рекламирую... Хотя, конечно, волновался, чего уж скрывать, кто знает, что там на уме у людей, которым доверяют вершить правосудие над песнями легендарных музыкантов.

Между тем чемпионат страны двигался своим чередом. И нашим следующим соперником был не кто-нибудь, а сам «Манчестер Юнайтед» – лидер турнира, от которого мы отставали на одно очко. Да ещё и играли на выезде, причём 13-го числа. Хорошо хоть, не в пятницу, а в субботу.

Занимая место в клубном автобусе, я и не догадывался, что этот матч станет для меня знаковым, и после финального свистка я поневоле вспомню одну из лучших игр Аршавина в английской премьер-лиге. Но обо всём по порядку...

Итак, выехали из Лондона рано утром. До Манчестера пилить около 300 километров, значит, ехать почти шесть часов. Кстати, в «Челси», как и в других командах, свои традиции. Первым в автобус заходит и выходит тренер, затем капитан, помощник тренера, а я, как молодой и новичок, – последний. Соответственно, и место моё в хвосте салона. Рассаживаемся, сразу же образуются группы по интересам, а интересов всего два. Большинство режутся в карты, причём на деньги, хотя и небольшие. Самое удивительное, в отличие от Союза, где картёжники тоже составляли весомый костяк «Динамо», эти совершенно не маскируются. И тренер не делает замечаний, только после проигранной игры может высказать, мол, все силы за картами оставили, или что-нибудь в этом духе.

Вторая группа – любители притопить массу. А что, парни молодые, здоровые, практически все холостяки, контроль за ними минимальный, не то что в Союзе, где режим на первом месте. Так что чем они по вечерам и ночами занимаются, думаю, объяснять не надо. Вот и отсыпаются впрок. Помню, когда я первый раз поехал на выезд, зная, что спать и играть в карты не буду, подготовился по-своему. Автобус косился на меня добрых полчаса, как я неторопясь листаю страницы книги о похождениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона на языке оригинала. Позже пару раз я видел, как некоторые игроки тоже пытаются читать, но надолго их не хватало. Жаль, ещё не изобрели даже кассетного плеера, а то ещё и музыку послушал бы через наушники. А может, и изобрели, но в местных магазинах я что-то не встречал.

Кстати, ещё одно заметное отличие СССР от Англии – чтение. В СССР был массовый книжный, газетный и журнальный бум. Читали все и вся, а потом в массовом порядке обсуждали прочитанное. В газетных киосках свежей периодики не было уже к 11 часам утра. Популярные журналы тоже исчезали практически сразу. Даже в библиотеку, как мне рассказывала Катька, просто так было не записаться. Правда, она и записывалась в читальный зал Библиотеки

имени Ленина, может, в другие храмы книг очередей и не было, сам-то я туда не шастал.

Читали в метро, автобусах, электричках, на работе... Помню, как к матери в больницу ни придёшь – а это было раза три на моей памяти, – медсёстры сначала откладывали книги, а потом здоровались и предлагали пить чай. В Англии такого не было. Нет, в метро читали, но это были в основном студенты. Потом мне объяснили, что на острове культура чтения заперта в доме. Газеты читали после ужина, а книги в основном перед сном. В общем, я со своей книгой выделялся, как Штирлиц с парашютом на улице Берлина.

На этот раз я достал припасенный журнал The Times Lite rary Supplement, или в переводе на русский «Литературное приложение», где была напечатана рецензия на игру Хелен Миррен, которую я ещё не успел прочитать.

– Эй, Егор, – тронули меня за рукав, – тебе тренер хочет что-то сказать.

Я поднял голову и увидел впереди обращённое ко мне лицо Дохерти. Делать нечего, придётся подойти.

Не выпуская из рук журнала, направляюсь в голову автобуса. Дохерти, увидев в руках печатное издание, только хмыкнул и кивком предложил сесть на свободное место рядом.

– Скажи Егор, почему ты не играешь в карты, как все футболисты?

– Да не люблю я, пробовал, но не нравится. И в СССР не играл, только там меня об этом тренер не спрашивал, а, наоборот, ставил в пример. Предпочитаю хорошую книгу или журнал.

– Ну, это я уже заметил, и вся команда тоже. И что ты нашёл в «Литературном приложении»?

– Рецензию на игру одной моей знакомой.

– Кто она?

– Молодая актриса из «Олд Вик».

– Не та ли, что поджидала тебя после тренировки?

– Она самая...

– И как её зовут?

– Хелен Миррен.

– Что-то не слышал о такой... Я, собственно, зачем тебя звал... – понизил голос Дохерти. – По возвращении в Лондон с тобой хотят поговорить хозяева клуба. Это по вопросу продления контракта на следующий сезон. Они уже связались с твоим советским руководством, но и ты не можешь остаться в стороне. Странная у вас система... Так вот, я им уже сказал, что мне и команде ты необходим. Пока оправдываешь вложения, хочется верить, что и в оставшихся матчах будешь демонстрировать высокий уровень.

– Спасибо, тренер! Вы меня, честное слово, обрадовали!

– Ну, я-то только тебе передал то, что слышал от боссов клуба. Ты, Егор, самое главное, сегодня вечером не разочаруй. Игра с манкунианцами не только принципиальная, но и в случае успеха даст нам шанс возглавить турнирную таблицу.

Да уж, порадовал Томми новостью! Я-то не против продлить контракт, тем более у меня тут по части музыки появились кое-какие завязки, о которых я полгода назад и мечтать не мог. Правда, ещё своё слово должны сказать советские чиновники от футбола, а может, и не только от футбола, у нас же вертикаль такая, что иногда шею рискуешь сломать, если попробуешь задрать голову и увидеть, что творится у партийных небожителей. А тут ещё завтрашний соперник, тоже парни не лаптем щи хлебают, что ни имя – то звезда английской лиги. Чарльтон, Лоу, Сэдлер, Бест, Херд, Коннелли... Полкоманды – будущие чемпионы мира. Или всё же нет? Или всё-таки найдётся сборная, которая притормозит англичан? Почему бы это не сделать и советской команде... В той реальности в полуфинале наши уступили немцам, но в этот раз, может быть, состав будет выглядеть чуть иначе? Например, со мной на правом краю полузащиты и Стрельцовым на острие атаки! Эх, мечтать не вредно, но вот

только что-то с родины пока не телеграфируют, что я позарез нужен сборной. Кто у нас сейчас, кстати, тренер? Если не ошибаюсь, Николай Морозов, он же будет руководить сборной на чемпионате мира следующего года. В той реальности судьба нас так и не свела, Морозова не стало в 1981-м, по слухам, убит в драке возле пивной. Может, на этот раз удастся поближе с ним познакомиться?..

Вернувшись на своё место, я снова открыл журнал и погрузился в чтение. Пол-полосы занимала фотография Хелен в гримёрке, с улыбкой прижимающая к лицу большой букет роз. Одна, четыре, девять, пятнадцать... Остальные не видно, но, похоже, это мой букет. Приятно, однако... А что там критика пишет?

Превосходная игра молодой актрисы, смелое режиссёрское решение, классическое исполнение, заигравшее новыми красками, большое будущее, новое лицо на английской сцене... Что ж, видно, дебют удался. Вон как раскричались. Впрочем, я и так знал, что молодую актрису в будущем ждёт успех. Только бы не испортить все, ведь в той реальности меня в её жизни не было. А с другой стороны, ну кто я ей по большому счёту? Знакомый, сводивший в паб и проводивший до дому.

За три часа до начала матча автобус притормозил у кафе, где на нас заранее был заказан обед. Не очень обильный, учитывая, что впереди игра, насыщенный медленными углеводами. То, что за границей суп редкость, – понятно, но фасолевый суп содержит те самые медленные углеводы, поэтому я вливаю его в себя. Свежая капуста, шпинат, сельдерей... Хорошо хоть, грибами разбавили, иначе впору выплёвывать всё обратно в тарелку. Никак не привыкну к такого рода еде. То ли дело в пабе у Руперта Адамса-младшего!

Наконец мы на «Олд Траффорд». В раздевалке читаю программку к матчу «Манчестер Юнайтед» – «Челси». Ну а что, стоит всего шесть пенсов, раз уж бесплатно не дают, можно и купить. Красочная картинка притягивает взгляд: элегантный джентльмен в красном галстуке и с красной розой в отвороте сюртука протягивает руку футболисту в красной же майке и белых трусах. На следующей страничке пишут, что в предыдущем матче манкунианцы обыграли «Вулверхэмптон Уондерерс» со счетом 3:0, и даже прилагается фото третьего гола, забитого Бобби Чарльтоном. Так, дальше даются ориентировочные составы, приглашение на следующий матч «Манчестер Юнайтед» и внизу рекламка боксёрских поединков. Неплохо сделано, на память надо бы оставить...

Ага, оставил! Помощник Дохерти протягивает руку и вежливо, но настойчиво вытягивает у меня буклет:

– В клубный музей.

– Э-э, а сами-то что не купили?

– Опоздали, все уже разобрали.

Ну ёрш твою медь! Слов нет, одни мысли!

– Парни, переодеваемся и на предматчевую разминку, – не даёт позлиться Дохерти, торопя нас на поле.

И вот я выхожу на поле стадиона «Олд Траффорд»... В прошлой жизни я однажды присутствовал здесь в качестве зрителя, но сейчас все по-другому. Ещё стоят старые колонны, поддерживающие крышу на Северной и Восточной трибунах, их заменят на современные консольные опоры в преддверии чемпионата мира, игры которого будет принимать и «Театр мечты», как ещё называют этот стадион.

На другой половине поля мячик перекатывают футболисты «Манчестера». Пытаюсь угадать по лицам, ху из ху. Бесполезно, по ходу дела выясним. Помню только, что в первом круге манкунианцы нас на «Стэмфорд Бридж» обыграли 2:0, но тогда дело проходило ещё без меня, а сегодня мы постараемся дать бой лидеру.

Трибуны уже наполовину заполнены, в наш адрес летят обидные выкрики, слово «пенсионеры» употребляется чаще других. Видимо, по мнению местной торсиды, это нас должно выводить из себя. Я только посмеиваюсь, что не ускользает от внимания сосредоточенного Харриса.

– Чего рот тянешь? Увидел что-то смешное?

– Да нет, анекдот вспомнил.

– Ну-ка?

– Во время футбольного матча один футболист собирается бить угловой, но тут свистит арбитр и начинает ему что-то объяснять. Пока футболист слушал арбитра, кто-то решил подшутить, заменив мяч таким же на вид, но только каменным. Наконец футболист разбегаётся, бьёт по мячу и... Короче, очнувшись через некоторое время, он видит склонившегося над ним врача и спрашивает: «Доктор, что у меня с ногой?» – «Порваны связки, повреждена большая берцовая кость, малая – раздроблена, стопа вообще вдребезги» – «Неужели все так плохо?!» – «Это ещё что, ты бы видел того беднягу, который забил гол головой».

До Харриса дошло через пару секунд, и его разобрал такой смех, что остальные игроки тоже подтянулись узнать, в чём дело. Пришлось пересказывать анекдот, и вскоре вся команда дружно ржала. Манкунианцы с непониманием глядели на нас со своей половины поля, Дохерти тоже не мог понять, что так рассмешило его игроков.

В общем, столь непритязательным анекдотом нервное напряжение более-менее я с парней стряхнул. И возможно, что зря, потому что первые сорок пять минут и начало второго тайма превратились для нас в форменный кошмар.

Так плохо на моей короткой английской памяти команда ещё никогда не играла! Конечно, «Манчестер» пёр, словно Шумахер на трассе против велогонщиков, но и у нас ничего не получалось. Да что там, даже у меня мяч валился из рук, вернее, из ног! И это в тот момент, когда меня собирались переподписать на следующий сезон!

Получив в очередной раз по ногам от Билла Фоулкса, поймал полный отчаяния взгляд тренера. А на трибунах царили веселье и смех, перемежающиеся оскорбительными выкриками в адрес «столичных девочек», по недоразумению надевших футбольную форму и осмелившихся выйти на поле против «красных дьяволов». И неудивительно, к 50-й минуте матча счёт был 4:0 не в нашу пользу.

3-я минута – забивает Джордж Бест. 20 минут спустя красивым ударом головой Херд удваивает счёт, он же на 38-й минуте делает дубль. В перерыве Дохерти с нотками истерики призывает нас собраться и играть в свой футбол, активнее использовать фланги, мой в частности. Но на 50-й минуте, увлечшись атакой, допускаем обреза, и Лоу делает счёт 4:0.

Перед тем как мы в очередной раз вводим мяч в игру с центра поля, гляжу на лица своих игроков. А на них – безысходное отчаяние, и одна мысль: быстрее бы всё это закончилось. Вот тут-то я на них и на себя тоже как следует разозлился. Нет уж, ребята, русские не сдаются!

То, что произойдёт за оставшиеся 40 минут, английские журналисты, обожающие давать звучные прозвища любому значимому событию, назовут «Чудом в „Театре мечты”». Не знаю, лично мне после финального свистка, само собой, вспомнился приснопамятный Аршавин в игре «Арсенала» и «Ливерпуля». Но до этого воспоминания произошло следующее...

Первая же осмысленная атака «Челси» вылилась в гол: Харрис обыграл двоих противников, отдал пас Венейблсу, а тот, стоя спиной к воротам, сделал мне скидку. Прекраснейший удар с лёту прямо под перекладину! На электронном табло, всего год назад впервые появившемся в английском футболе, горит 54-я минута. Стадион замер, но, тут же, восторженувшись, продолжает гнать своих любимцев вперёд.

Атака на 62-й минуте началась с Питера Бонетти, который прицельно выбил мяч прямо на меня. Я скидываю мячик Джону Холлинсу, но вскоре получаю его обратно и, не растерявшись, провожу, наверное, свой самый красивый гол за время своего пребывания в Англии. Окружённый тремя соперниками, финтом ухажу от Фоулкса и «вскрываю» правый нижний угол ворот. 4:2!

Атмосфера накалялась, «Манчестер» продолжает давить, но после ошибки Нобби Стайлза на линии своей штрафной я подхватываю мяч и молниеносно отправляю его мимо опешившего Харри Грегга. 4:3! Многотысячный «Олд Траффорд» погрузился в тишину, слышен только мой радостный вопль и не менее радостные крики моих товарищей по команде.

Но мы по-прежнему проигрываем. Наставник хозяев Мэтт Басби носится по бровке, отчаянно жестикулируя, Дохерти ему не уступает. Такие две ветряные мельницы рядом, и куда только подевалось хвалёное британское хладнокровие?

А времени до финального свистка всё меньше и меньше. И тут за две минуты до конца матча Тэмблинг пасом вразрез выводит меня на randevу с Греггом. Как позже Бобби мне рассказывал, он мысленно молил меня не промазать. И я не подвёл, мастерски пробил с левой ноги в ближний угол мимо застывшего, словно

статуя, голкипера. 4:4! Куча мала из наших игроков и скачущий на бровке Тим Дохерти. И шок в глазах как игроков и тренеров «Манчестера», так и их болельщиков. А потом – вот уж что для меня стало неожиданностью – стадион начал аплодировать. Молча, без криков и свистов, просто аплодисменты. И можно было без труда догадаться, что эти аплодисменты предназначены мне.

Встреча так и завершилась вничью – 4:4. А после матча я оказался в плотном кольце местных журналистов, которые перехватили меня по пути в раздевалку. Пришлось отвечать на самые разные вопросы, которые могли бы продолжаться бесконечно, насилу вырвался.

– Егор, у меня нет слов! – заявил в раздевалке сияющий Дохерти. – На моей памяти никому ещё из игроков «Челси» подобного не удавалось. Боюсь, теперь ваши футбольные чиновники заломят за тебя цену, превышающую ту, что хотят предложить боссы клуба.

– Эй, по возвращении в Лондон тебе не мешало бы проставиться, – встрял Венейблс. – Такое событие нельзя не отметить.

Блин, последнюю рубашку они с меня, что ли, хотят содрать? А начнешь юлить – не поймут, в скупердяи запишут. Но не успел я и рта открыть, как капитана отшил Дохерти:

– Терри, заканчивай тут пропаганду пьянства. Если есть желание, соберёмся после завершения сезона, если будет что отмечать. А то вам только повод дай... Тем более Егор перед вами уже проставлялся, тоже мне, нашли спонсора.

Венейблс озадаченно поскрёб затылок, а я развел руками, мол, против тренера не попрёшь. А мысленно был благодарен Дохерти за его эскападу...

На подписание документов из Москвы прилетел Ряшенцев и с ним какой-то мелкий, похожий на карлика юрист в очках с огромными линзами, также представляющий Федерацию футбола СССР. Присутствовал он и на первой встрече с представителями «Челси», но его имени я так и не узнал.

В контракте речь шла о сумме в 700 тысяч фунтов. По нынешним временам, как я услышал краем уха, это чуть ли не мировой рекорд. Ну и моя зарплата подрастёт на двести фунтов, с лета она будет составлять шестьсот в месяц.

Договорились с Федуловым, что домой по-прежнему буду отправлять двести фунтов, а четыреста оставлять себе. Впрочем, до лета ещё нужно дожить.

Тем более, как я понял из последнего маминого письма, она всё клала на сберкнижку, на которой скопилась уже весьма внушительная сумма, учитывая, что и авторские стекались туда же.

«...Женишься – захочешь отдельную кооперативную квартиру, машину, обстановку, – писала она. – Да мало ли на что могут пригодиться деньги! Нам на жизнь хватает, Валере повысили квалификацию и ставку, теперь он получает 150 рублей. Так что за нас не беспокойся, играй в своё удовольствие и береги себя. Очень по тебе скучаем! Целую, твоя мама».

Вот я и играл в своё удовольствие, хотя порой оно было весьма относительным. Каждый матч заканчивался синяками и ссадинами, приходилось бегать и на уколах, но писать об этом родным я не решался. Незачем их лишний раз волновать такими откровениями.

Важным пунктом контракта стало упоминание, что «Челси» обязан будет отпускать меня на игры сборной СССР, ежели я буду вызываться в главную команду страны. Да уж, пора бы дебютировать, или они собираются на мундиаль в Англию ехать без меня?

А до кучи мне предложили рекламный контракт с английской фирмой по производству спортивной экипировки Umbro. Эта компания и так являлась генеральным спонсором Английской футбольной лиги, клубы от этого спонсорства имели свой кусок, да и футболисты, как я понял из разговоров, дополнительные выплаты раз в полгода. Так что с наступлением лета мне светили дополнительные 350 фунтов в месяц.

– Как ты тут, Егор, очень скучаешь по родине? Не обижают? – спросил меня Ряшенцев, когда все подписи были поставлены и мы смогли на некоторое время уединиться в небольшом клубном кафетерии.

– Скучаю, Николай Николаевич, но понимаю, что здесь я стране приношу больше пользы. А насчёт «обижают»... Микроклимат в команде хороший, со всеми в нормальных, даже скорее дружеских отношениях. Да, играют в Англии жёстко, по ногам лупят – мама не горюй. Но тут все в равных условиях, поэтому не

жалуюсь.

– Это ты молодец, Егор, не роняешь честь советского футбола! И о твоих четырёх мячах «Манчестеру» я слышан, эх ты вовремя их забил, прямо накануне подписания контракта. И не кому-нибудь, а лидеру чемпионата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marchenko_gennadiy/na-tumannom-al-bione

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)